VYSLUŽIVŠIJSJ A OFICER", ILI VOJNA MONTROZA, ISTORIČESKIJ...

Walter Scott

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
GOGOL
A
5299 /4
ROMA

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ ОФИЦЕРЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ

ОФИЦЕРЪ,

ИЛИ

ВОЙНА МОНТРОЗА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Соч. Валтера Скотта,

Автора Шотландскихъ Пуританъ, Ровъ Роя, Эдимбургской темницы, и проч.

Переводъ съ Французскаго.

Часть Четвертая.

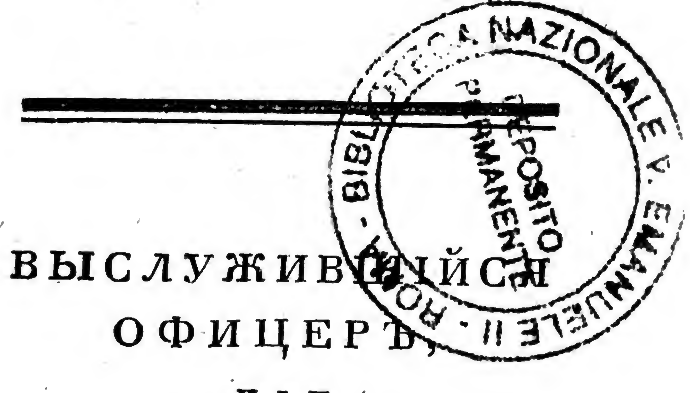
МОСКВА.

В Типографіи П. Кузнецова.

1824.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1822 года, Марта 16 дня. Сію рукопись въ четырехъ частяхъ разсматривалъ Адъюнктъ, Надворный Совѣтникъ

Гаврило Мягковъ.

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ ОФИЦЕРЪ,

или

ВОЙНА МОНТРОЗА.

ГЛАВА XVIII.

„Le signal des combats vient de se faire entendre:
„Tous les bras sont levés : que faut-il en attendre?
„La famine au teint pâle augmente les déserts;
„Le deuil, l'effroi, la mort parcourent l'univers."

Vanité des désirs humains.

На разсвѣтѣ Монтрозъ принялъ въ хижинѣ своей стараго

Макъ Яга, и дѣлалъ ему самыя подробнѣйшіе вопросы о дорогахъ, по коимъ должно было слѣдовать въ Графство Аржиль. Записавъ его отвѣты, онъ сравнялъ ихъ потомъ съ отвѣтами двухъ товарищей Ранальда, которыхъ сей послѣдній представилъ ему, какъ людей вѣрныхъ и благоразумныхъ. Отвѣты сіи были совершенно согласны; однако же Графъ почелъ не излишнимъ, для большей предосторожности, разпросить также и начальниковъ, жившихъ близь тѣхъ мѣстъ, на которыя онъ намѣревался сдѣлать нападеніе. Такимъ образомъ, не имѣя болѣе никакихъ сомнѣній, Монтрозъ рѣшился со-

ставить планы свои сообразно съ собранными имъ свѣдѣніями.

Въ одномъ только случаѣ Графъ рѣшился перемѣнить свое намѣреніе. — Ему казалось, что политикѣ противно будетъ держать при себѣ Кеннета, сына Ранальда; ибо если произхожденіе его будетъ открыто: то поступокъ сей сочтенъ будетъ за обиду многими племенами, питавшими смертельную ненависть противъ дѣтей нощи. Почему сталъ просить Маіора взять Кеннета къ себѣ въ услуги; и такъ какъ присоединилъ къ сей прозьбѣ хорошій подарокъ, подъ предлогомъ, что нужно будетъ сдѣлать пристой-

ное платье молодому Кеннету: то Далжетти не сдѣлалъ ни малѣйшаго затрудненія — и охотно на сіе согласился.

Послѣ новаго тайнаго разговора съ Монтрозомъ Маіоръ пошелъ повидаться съ старыми своими знакомцами—Лордомъ Ментеитомъ, Ангуромъ Макъ Олаемъ и его братомъ, коимъ нетерпѣливо желалъ разсказать свои приключенія, а также и отъ нихъ узнать подробности послѣдней кампаніи: можно повѣрить, что онъ принятъ былъ съ великою радостію людьми, которые, будучи съ нѣкотораго времени заняты единообразною военною жизнію, съ поспѣшностію поль-

зовались всякимъ случаемъ, могшимъ доставить имъ нѣсколько минутъ разсѣянія. Одному только Аллану Макъ Олаю возвращеніе Маіора, казалось, было нѣсколько непріятно; и когда братъ его спросилъ о причинѣ сего: то онъ не могъ иначе изъяснить поступка своего, какъ приписавъ оный отвращенію корошко обращаться съ человѣкомъ, бывшимъ столь недавно въ обществѣ его непріятелей, а наиболѣе Аржиля. Маіоръ нѣсколько встревожился, видя, что Алланъ, казалось, угадывалъ нѣкоторымъ образомъ, съ какими людьми онъ недавно находился въ сообществѣ. Но однако же вскорѣ убѣжденъ

былъ въ томъ, что если Алланъ имѣлъ даръ предвидѣнія: то на сей разъ оный мало ему послужилъ.

Такъ какъ Ранальдъ Макъ Ягъ долженъ былъ находиться подъ особеннымъ покровительствомъ Маіора Далжеттія: то сей послѣдній рѣшился представить его тѣмъ изъ начальниковъ, съ которыми самъ былъ знакомъ короче, нежели съ другими. Въ продолженіи сего времени одежда Макъ Яга была перемѣнена, и вмѣсто платья, какое носило его племя, онъ надѣлъ костюмъ островитянъ, состоявшій изъ камзола съ рукавами и юбки, сшитыхъ вмѣстѣ. Платье сіе напереди, сверху

до низу обшито было галуномъ. Оно имѣло нѣкоторое сходство съ польскимъ платьемъ, которое и нынѣ еще носятъ въ Шотландіи дѣти. Къ дополненію сего костюма, онъ имѣлъ чулки и шапку изъ тартана, какія носили островитяне еще и въ то время, когда они пришли соединиться подъ знаменами Графа Мара въ 1715 году.

Маіоръ, устремивъ взоры свои на Аллана, представилъ Ранальда Макъ Яга друзьямъ своимъ подъ мнимымъ именемъ Ранальда Макъ Гиллигурона Бенбекуля, сказавъ имъ, что онъ бѣжалъ съ нимъ вмѣстѣ изъ темницъ Аржиля, и что Ранальдъ, будучи бардомъ и

музыкантомъ на арфѣ, былъ одаренъ также нѣсколько и предвидѣніемъ будущаго.

Разсказывая имъ сіи подробности, Маіоръ—отъ природы бывшій не слишкомъ застѣнчивъ и робокъ, особенно въ то время, когда разсказывалъ какую-нибудь повѣсть, столько разъ сбивался, останавливался и мѣтался въ рѣчахъ своихъ, что сіе могло бы внушить подозрѣніе Аллану Макъ Олаю, еслибъ все вниманіе его не было устремлено на стараго Монтаньяра, на коего смотрѣлъ онъ съ нѣкоторымъ родомъ мрачнаго любопытства. Твердый и проницательный взоръ его до такой степени смутилъ Ра-

нальда, что онъ ежеминутно ожидая нападенія на себя врага своего, схватился уже за кинжалъ свой. Но вдругъ Алланъ, находившійся до того времени на другомъ концѣ палатки, подошелъ къ нему и подалъ ему руку въ знакъ дружбы. Тогда они сѣли другъ подлѣ друга и разговаривали между собою тихимъ голосомъ, съ таинственнымъ видомъ.— Ментеитъ и Ангуръ Макъ Олай ни мало тому не дивились; ибо между Монтаньярами, мечтавшими быть одаренными предвидѣніемъ, существовалъ нѣкоторый родъ франкъ-масонства, заставлявшаго ихъ говорить другъ съ другомъ, когда они

встрѣчались, о свойствѣ и обширности познаній ихъ въ семъ родѣ.

—„Не въ мрачныхъ ли чертахъ видѣніе сходитъ на твою душу?" спросилъ Алланъ у новаго своего знакомца.

—„Въ чертахъ столь мрачныхъ, какъ мгла, коею луна покрыта бываетъ въ то время, когда она затмѣвается среди теченія своего въ тверди небесной, и когда пророки предвѣщаютъ ужасныя бѣдствія."

—„Поди сюда," продолжалъ Алланъ, „сядь ко мнѣ поближе; я бы желалъ поговорить съ тобою тайнымъ образомъ; ибо сказываютъ, что на отдаленныхъ остро-

вахъ вашихъ видѣніе сходитъ съ большею силою и ясностью, нежели на насъ, живущихъ близь Сассенашей?“

Въ то время, какъ они занимались тайнымъ своимъ разговоромъ, двое Англійскихъ Офицеровъ, о коихъ мы говорили въ началѣ сей повѣсти, вошли съ радостнымъ видомъ въ палатку и объявили Ангуру, что Монтрозъ отдалъ приказаніе всѣмъ войскамъ своимъ быть готовыми къ скорому походу на Сѣверъ. Сообщивъ новость сію съ большею радостію, они привѣтствовали стараго знакомца своего, Маіора Далжеттія, котораго тотчасъ узнали, освѣдо-

мившись также о здоровьѣ лошади его Густава.

—„Чувствительнѣйше васъ благодарю, господа!“ отвѣчалъ Маіоръ: „Густавъ находится въ добромъ здоровьѣ, такъ какъ и господинъ его; хотя мы оба нѣсколько и похудѣли съ того времени, какъ вы предлагали мнѣ столь благосклонно его у меня купить въ Дарнливарахѣ. Но позвольте мнѣ увѣрить васъ, что прежде, нежели вы совершите одинъ или два похода, о коихъ, кажется мнѣ, вы напередъ уже съ такимъ удовольствіемъ помышляете: то вѣроятно лишитесь нѣсколькихъ фунтовъ жиру и потеряете нѣ-

сколько Англійскихъ лошадей!"

Они оба въ одно время вскричали, что для нихъ все равно, лишь бы только они перестали разхаживать взадъ и впередъ по Графствамъ Ангурскому и Аберденскому, преслѣдуя непріятеля, который не хотѣлъ ни сражаться, ни положить оружіе.

—,,Если такъ," сказалъ Ангуръ, ,,то я пойду отдать на сей щетъ приказанія, и сдѣлаю разпоряженіе, чтобъ Аннета Лиль могла за нами туда слѣдовать безъ всякой опасности; ибо не такъ-то легко проникнуть во владѣнія Макъ Каллюмора, какъ сіи храбрые Кавалеры вооб-

ражаютъ." Сказавъ сіе, онъ вышелъ изъ палатки.

—„Аннета Лиль!" повторилъ Далжетти, „не уже ли она слѣдуетъ за вашимъ войскомъ?"

—„Чортъ возьми!" возразилъ Сиръ Милесъ Мусграфъ, смотря съ злобнымъ видомъ то на Аллана Макъ Олая, то на Лорда Ментеита: „можемъ ли мы сражаться, идти впередъ, или отступать, не будучи возбуждаемы звукомъ арфы царицы менестрелей?"

—„Это правда," подхватилъ его товарищь: „да съ нею и поступаютъ какъ съ царицею; самая даже супруга Монтроза не могла бы получить большихъ поче-

стей. Четыре молодыя Монтаньярки готовы исполнять всѣ ея приказанія, не говоря уже о босоногихъ служанкахъ. . ."

—„Чтожъ бы вы сдѣлали, будучи на моемъ мѣстѣ, господа?" сказалъ Алланъ, удалясь вдругъ отъ Монтаньяра, съ которымъ разговаривалъ: „не уже ли вы оставили бы молодую, кроткую и невинную дѣвушку, подругу вашего семейства и вашего дѣтства подверженною жестокости и оскорбленіямъ неумолимаго врага, и можетъ быть даже погибели отъ недостатка? Теперь, когда я говорю съ вами, нѣтъ уже кровли на жилищѣ моихъ предковъ; жат-

вы наши потоптаны, а скотъ похищенъ! Благодарите Бога, господа, что прибывши сюда изъ страны болѣе мирной и образованной, вы одну только жизнь свою подвергаете опасности въ сей непримиримой войнѣ, не страшась того, чтобъ враги ваши обратили мщеніе свое на старцевъ и беззащитныхъ дѣтей, которыхъ вы позади себя оставляете!"

Англичане чистосердечно признались, что съ сей стороны преимущественно было на ихъ сторонѣ. Послѣ чего всѣ разошлись, и каждый пошелъ въ свое мѣсто, чтобъ приготовиться къ объявленному походу.

Алланъ всталъ и хотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру; но, казалось, удержанъ былъ чувствомъ, котораго не могъ преодолѣть. Возвратясь, онъ сѣлъ подлѣ Ранальда и продолжалъ вопрошать его о мнимыхъ видѣніяхъ, повергавшихъ его въ величайшія сомнѣнія.

—„Тысячу разъ,“ сказалъ онъ ему, „я видѣлъ одного Монтаньяра, который, казалось, готовъ былъ вонзить кинжалъ свой въ грудь Ментеита, сего молодаго господина въ красномъ плащѣ, который сей часъ только отсюда вышелъ. Я смотрѣлъ на него столь пристально, что глаза мои едва не вышли изъ мѣстъ своихъ; но

тщетно, я не могъ видѣть лица его, ни открыть, кто онъ таковъ, хотя особа его и видъ казались мнѣ не незнакомы.“

—„Возвратилъ ли ты плащь свой,“ сказалъ Ранальдъ: „ибо въ такомъ случаѣ правила наши повелѣваютъ такъ дѣлать?“

—„Я это сдѣлалъ,“ отвѣчалъ Алланъ тихимъ голосомъ и трепеща какъ будто бы отъ внутренняго терзанія.

—„Въ какомъ же видѣ представился тебѣ тогда призракъ?“ спросилъ Ранальдъ.

—„Также въ вывороченномъ плащѣ,“ отвѣчалъ Алланъ глухимъ и прерывающимся голосомъ, между тѣмъ

какъ холодный потъ выступилъ на лицѣ его.

—„И такъ знай,—что твоя рука,—собственная твоя рука совершитъ дѣйствіе, предсказанное тебѣ видѣніемъ.“

—„Безпокойная душа моя тысячу разъ шептала сіе ушамъ моимъ; но это не возможно! Еслибъ даже я прочелъ сіе въ вѣчной книгѣ судебъ: то и тогда повторилъ бы, что это не возможно! — Мы соединены съ нимъ узами крови, узами — такъ сказать — еще болѣе неразрывными... Мы сражались одинъ подлѣ другаго! Наши сабли были обагрены кровію однихъ — общихъ нашихъ непріятелей! И такъ

не возможно, чтобъ я когда-либо поднялъ на него руку!"

—„Однако же такое опредѣленіе судьбы неизбѣжно," отвѣчалъ Ранальдъ; „и ты совершишь сіе, хотя мраки будущности и скрываютъ еще отъ насъ причину такого поступка!... Ты говоришь," прибавилъ онъ, съ трудомъ преодолѣвая собственныя чувства, его возмущавшія: „ты сказалъ, что вы вмѣстѣ съ нимъ преслѣдовали добычу свою, какъ псы, жаждущіе крови? . . . Развѣ ты не видывалъ, какъ сіи псы обращаютъ одни противъ другихъ острые свои зубы и терзаютъ другъ друга надъ тѣломъ издыхающей лани?"

—„Это ложъ!“ вскричалъ Алланъ, бросившись въ другой уголъ палашки: „это не предопредѣленіе судьбы, а вѣроломное внушеніе каконибудь злаго духа, изшедшаго изъ мрачной бездны, чтобъ увлечь меня туда съ собою.“ Сказавъ сіе, онъ поспѣшно удалился.

—„Ступай! бѣги теперь! ударъ уже нанесенъ!“ сказалъ сынъ нощи, бросивъ въ слѣдъ за нимъ яростный и торжествующій взоръ: „ядовитая стрѣла уже въ твоемъ сердцѣ; — повсюду ты будешь носить ее съ собою; ты будешь въ одно время орудіемъ и жертвою моего мщенія! Радуйтесь, тѣни дѣтей моихъ, коихъ они столь

безжалостно умертвили! Убійцы ваши скоро обратятъ ярость свою одни противъ другихъ! Скоро они пронзятъ другъ друга своими мечами! Хищные враны! они жаждутъ крови! Такъ пусть же терзаютъ другъ друга! Пусть ищутъ ее въ трепещущихъ своихъ внутренностяхъ—и тогда я буду отмщенъ!"

На другой день утромъ все было готово къ походу. Монтрозъ выступилъ и пошелъ быстро потому пути, который онъ себѣ назначилъ, слѣдуя по берегу рѣки Тай, онъ построилъ небольшую армію свою въ

боевой порядокъ въ романической долинѣ, окружающей озеро сегожъ имени. Жители сей долины были Кампбели; но только не подданные Аржиля, а союзники его и племя Гленурхія, которое нынѣ называется племенемъ Бреадалбана. На нихъ напали нечаянно, и они, будучи не въ состояніи защищаться, принуждены были оставаться спокойными зрителями раззореній, имъ причиняемыхъ, и похищенія стадъ своихъ. Такимъ-то образомъ Монтрозъ достигъ до береговъ озера Дохарда, опустошая все, что ему ни встрѣчалось, и похищая скотъ; но вскорѣ онъ увидѣлъ себя въ самомъ опас-

нѣйшемъ и труднѣйшемъ положенiи своего предпрiятiя.

Даже и теперь, когда хорошо обработанная дорога ведетъ изъ Гейндедрума до источника озера Ава, войско съ трудомъ могло бы пройти сiи дикiя и необработанныя дефилеи; но тогда не было тутъ не только дорогъ, но даже и тропинокъ; къ усугубленiю же препятствiй горы покрыты были уже снѣгомъ. Изъ долины представлялось тогда самое величественное зрѣлище; — неправильныя массы возвышались однѣ надъ другими; тѣ, которыя были нѣсколько ближе, поражали взоры ослѣпительною своею бѣлизною, между тѣмъ какъ

послѣдніе лучи заходящаго солнца бросали красноватый отблескъ на гордыя вершины горъ, которыя, воздымаясь до облаковъ, образовывали на горизонтѣ пурпуровую завѣсу. Бенъ-Крук-сханъ, самая величайшая изъ всѣхъ, казалась жилищемъ воздушнаго генія;—и неприступная вершина сей горы примѣтна была даже за нѣсколько миль въ окружности.

Солдаты Монтроза не были изъ тѣхъ людей, которыхъ могло бы устрашить сіе важное, но вмѣстѣ и ужасное зрѣлище, представлявшееся глазамъ ихъ. Большая часть сихъ Монтаньяровъ была изъ того древ-

няго поколѣнія Шотландцевъ, которые не только охотно ложились посреди снѣга, но почитали даже излишнею роскошью, скатавъ оный на подобіе подушки, положить себѣ подъ голову. Надежда на добычу и мщеніе блистала для взоровъ ихъ позади сихъ ледяныхъ горъ, и отъ сего всѣ препятствія въ глазахъ ихъ изчезали; имъ казалось, что однимъ прыжкомъ они могли преодолѣть ихъ.

Монтрозъ, не давая времени охладѣть ихъ энтузіазму, приказалъ музыкантамъ идти впередъ и играть маршъ Макъ Фарлановъ, коего пронзительные звуки столь часто поражали ужа-

сомъ жителей долинъ Леннокскихъ. Войска бросились въ слѣдъ за ними съ невѣроятною поспѣшностію; а Ранальдъ, бывшій ихъ проводникомъ, шелъ впереди съ избраннымъ отрядомъ для разпознанія дороги.

Никогда власть человѣческая не кажется столь немощною и презрительною, какъ тогда, когда она находится въ противоборствіи съ смѣлыми и величественными чертами, коими природа доказываетъ намъ свое всемогущество. Побѣдоносная армія Монтроза, которой подвиги произвели тревогу во всей Шотландіи, стараясь преодолѣвать сіи страшныя горы, каза-

лась горстью нещастныхъ мародеровъ, коихъ пропасти ежеминутно грозили поглотить. Монтрозъ самъ почти разкаявался въ дерзкомъ своемъ предпріятіи, когда съ вершины утеса, на которую достигъ, увидѣлъ состояніе небольшой своей арміи. Трудность идти далѣе столь была велика, что ряды начали становиться рѣже. Разстояніе, раздѣлявшее авангардъ отъ центра и центръ отъ арріергарда, увеличивалось ежеминутно ужаснѣйшимъ образомъ, и подвергло бы ихъ великой опасности, еслибъ непріятель на нихъ напалъ.

Монтрозъ не могъ не содрогнуться, видя, какія вы-

годныя позиціи представляли горы, и опасаясь, чтобъ оныя не были заняты непріятелемъ, готовымъ защищаться. Въ послѣдствіи онъ часто говаривалъ, что еслибъ дефилеи Страшъ Филлана защищаемы были двумя сотнями храбрыхъ солдатъ: то онѣ не только остановили бы его шествіе, но легко могли бы даже истребить всю его армію. Но безпечность, сей гибельный бичь, бывшій причиною взятія столькихъ городовъ и неприступныхъ замковъ и опустошенія многихъ странъ, предалъ въ семъ случаѣ Графство Аржиль его непріятелямъ. Имъ стоило только преодолѣть препятствія,

противуполагаемыя природою; притомъ же къ щастію, снѣгъ выпалъ еще въ весьма маломъ количествѣ. Лишь только войска достигли высоты утесовъ, раздѣляющихъ Графство Аржиль отъ провинціи Бреадальбанъ, какъ бросились въ долины, ихъ окружавшія, съ свирѣпымъ бѣшенствомъ, служившимъ яснымъ доказательствомъ причинъ, заставившихъ ихъ рѣшиться на столь опасное предпріятіе.

Монтрозъ раздѣлилъ армію свою на три корпуса, чтобы произвесть болѣе ужаса, напавъ на непріятеля во многихъ пунктахъ. Первый находился подъ предводительствомъ начальника

племени Дональда; второй былъ подъ начальствомъ Колкитто, а третьимъ корпусомъ предводительствовалъ самъ Монтрозъ. Сіе тройное нападеніе было только лишь торжественнымъ шествіемъ, потому что никто не оказывалъ ни малѣйшаго сопротивленія. Пастухи, убѣгая съ горъ, тотчасъ объявили о семъ ужасномъ нашествіи враговъ, и если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрные вассалы брали оружіе: то были тотчасъ разсѣваемы, умерщвляемы и безоруживаемы непріятелемъ, который, казалось, угадывалъ всѣ ихъ движенія.

Маіоръ Далжетти, посланный впередъ для взятія Ин-

верраріи съ малымъ числомъ конницы, бывшей въ арміи, взялъ столь хорошія мѣры, что едва не захватилъ самаго Аржиля, какъ онъ самъ говорилъ, inter pocula, Маркизъ бросился въ шлюбку, и съ помощію веселъ избѣжалъ, если не смерти, то по крайней мѣрѣ плѣна. Но за то племя его, владѣнія и вассалы дорого заплатили за своего начальника: все предано было огню и мечу. Раззореніе, причиненное Монтрозомъ въ нещастномъ Графствѣ Аржиль, согласовалось съ духомъ того вѣка въ сихъ дикихъ странахъ; однако же почитаемо было такимъ пятномъ, котораго самыя прекраснѣй-

тія подвиги его не могли загладить.

Аржиль убѣжалъ въ Эдимбургъ и принесъ жалобы свои Конвенту. Почему Генералъ Бальи, Пресбитеріанинъ ревностный и опытный, получилъ приказаніе набрать многочисленную армію. Въ помощники ему дали Сира Жона Гуррія, такого же выслужившагося Офицера, какъ и Далжетти, который дважды уже перемѣнялъ партію во время сей междоусобной войны, и который прежде, нежели оная кончилась, сдѣлалъ сіе и въ третій разъ.

Раздраженный Аржиль принялся также собирать свои войска, чтобы отмстить смертельному врагу своему.

Онъ назначилъ главную квартиру свою въ Дунбаршонѣ, гдѣ члены поколѣнія его и великое число союзниковъ вскорѣ пришли съ нимъ соединишься. А шакъ какъ Бальи и Гуррій пришли шуда же съ многочисленною арміею, составленною изъ регулярныхъ войскъ: шо Маркизъ пригошовился вступить въ Графство Аржиль, чтобъ изтребишь дерзскихъ, осмѣлившихся напасть на его владѣнія.

Но въ шо время, какъ сіи двѣ страшныя арміи соединялись вмѣстѣ, Моншрозу грозила съ прошивуположной стороны трешья армія, собранная на Сѣверѣ Графомъ Сексфоршомъ, кошорый, по-

медливъ нѣсколько времени, вступилъ наконецъ въ партію Пресбитеріанъ, и предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, съ коимъ соединились гарнизоны многихъ городовъ, заградилъ Монтрозу отступленіе со стороны Инвернесса.

Такъ какъ Монтрозъ заключенъ былъ въ непріятельской странѣ, и угрожалъ со всѣхъ сторонъ войсками, превосходившими его числомъ, которыя приближались форсированными маршами: то всѣ думали, что разбитіе его арміи будетъ неизбѣжно. Но въ такомъ-то критическомъ и отчаянномъ положеніи дѣятельный и предпріимчивый духъ Графа

являлся во всемъ своемъ блескѣ, и возбуждая удивленіе и энтузіазмъ въ его сообщникахъ, разпространялъ страхъ и робость между его непріятелями. Онъ собралъ какъ бы нѣкіимъ волшебствомъ свои войска, разсѣянныя на обширномъ пространствѣ страны, ими опустошенной; и лишь только они соединились, какъ Аржиль узналъ, что Роялисты вдругъ скрылись изъ сего Графства и удалились къ Сѣверу, въ мрачныя и неприступныя горы Лохабера.

Узнавъ сіе, Пресбитеріанскіе Генералы заключили тогда, что Монтрозъ принялъ намѣреніе сразиться съ Сексфоршомъ, и если воз-

можно разбить армію его прежде, нежели они возмогуть придти къ нему на помощь. Почему спѣшили перемѣнить планъ своихъ дѣйствій. Гуррій и Бальи снова отдѣлили войска свои отъ Аржилевыхъ; и такъ какъ армія ихъ состояла болѣе изъ конницы, то они объѣхали берегомъ горы, которыя имъ трудно бъ было перейти, и приближились съ Восточной стороны къ Графству Ангурскому, откуда намѣревались пройти въ Графство Аберденъ, чтобы пресѣчь путь арміи Монтроза, если онъ покусится убѣжать въ семъ направленіи.

Аржиль же, предводительствуя собственными своими

войсками, вознамѣрился слѣдовать за Монтрозомъ для того, чтобъ въ то время, какъ Графъ вступитъ въ сраженіе съ Сексфортомъ, или съ другими двумя Генералами, поставить его между двухъ огней посредствомъ сей третьей арміи, которая, слѣдуя за нимъ издали, могла напасть на аріергардъ его.

Въ семъ намѣреніи Аржиль пошелъ въ Инверрари, и на всякомъ шагу долженъ былъ оплакивать ужасныя раззоренія, причиненныя во владѣніяхъ его непріятельскими племенами. Монтаньяры имѣли многія благородныя качества; но человѣколюбія не было, въ числѣ оныхъ и

Графство Аржиль служило печальнымъ тому доказательствомъ; однако же сіи самыя раззоренія послужили къ умноженію числа солдатъ Маркиза. Еще и нынѣ есть пословица у горныхъ жителей, что тотъ, у кого домъ сгорѣлъ, долженъ идти въ солдаты. Большая часть жителей сихъ нещастныхъ долинъ не имѣли другихъ средствъ къ пропитанію, какъ производя надъ другими племенами тѣ же раззоренія, коихъ сами были жертвою: однимъ словомъ, имъ нечѣмъ другимъ было жить, кромѣ грабительства, и они не имѣли ни на что надежды, кромѣ мщенія. Такимъ образомъ опустошеніе вла-

дѣній Аржиля было главнѣйшею причиною умноженія его арміи, и онъ вскорѣ увидѣлъ подъ начальствомъ своимъ три тысячи отчаянныхъ, храбрыхъ и вѣрныхъ ему людей.

Будучи главнымъ полководцемъ, онъ ввѣрилъ начальство надъ своими войсками Сиру Дункану Кампбелю, рыцарю Арденвору и другому Сиръ Дункану Кампбелю Отенбрекку, старому и опытному воину, котораго онъ нарочно вызвалъ изъ Ирландіи, гдѣ сей послѣдній производилъ войну. Осторожность, или лучше сказать, робость Аржиля и на сей разъ взяла верхъ надъ неустрашимою храбростью

его Генераловъ. Они приняли рѣшительное намѣреніе, чтобъ не взирая на умноженіе войскъ своихъ, сохранить тотъ же планъ дѣйствій, и медленно слѣдовать за Монтрозомъ, въ которую бы сторону онъ ни пошелъ, тщательно избѣгая сраженія до того времени, пока не представится случай напасть на арріергардъ его, когда онъ станетъ защищаться противъ которой-нибудь изъ армій, бывшихъ впереди его.

ГЛАВА XIX.

„De la cornemuse guerrière
„N'entendez - vous pas le signal ?
„Accourez tous sous le bannière
„De Ferlus et de Mac - Fingal."

Anonyme.

Военный путь, сдѣланный въ главномъ направленіи вдоль Каледонскаго канала, совершенно открылъ теперь большую долину, пересѣкающую почти весь островъ, коей углубленія прежде безъ сомнѣнія наполненныя моремъ, доставляютъ еще и нынѣ бассейны сему длинно-

му ряду озеръ, посредствомъ коихъ искусство соединило Нѣмецкое море съ Атлантическимъ. Прежде устроенія сей дороги жители ходили по неровнымъ и узкимъ тропинкамъ, чтобъ перейти сію обширную долину; и хотя тропинки сіи были весьма дурны, но такъ какъ не существовало другихъ способовъ къ сообщенію между различными племенами, то они довольно часто были посѣщаемы; по симъ-то причинамъ Монтрозъ всячески старался избѣгать ихъ. Онъ велъ армію свою, какъ стадо дикихъ оленей, съ горъ на горы и изъ лѣсовъ въ лѣса, скрывая такимъ образомъ шествіе свое отъ не-

пріятеля, между тѣмъ какъ самъ узнавалъ все его дѣйствія отъ племенъ Камерона и Макъ Доннеля, своихъ союзниковъ, коихъ владѣнія тогда проходилъ. Монтрозъ далъ самыя точныя приказанія безпрестанно наблюдать движенія Аржиля и сообщать ему въ ту же минуту всѣ свѣденія, какія соберутъ о семъ.

Въ одну ночь Монтрозъ, удрученный усталостію послѣ долгаго и труднаго марша, бросился на солому въ одной бѣдной и полуразвалившейся хижинѣ, чтобъ вкусить нѣсколько минутъ отдохновенія; но лишь только закрылъ глаза, какъ кто-то тихо ударилъ его по плечу.

Монтрозъ тотчасъ вскочилъ, и по гигантскому росту и громкому голосу того человѣка, который его кликалъ, легко узналъ въ немъ начальника племени Камерона.

—„Я принесъ вамъ новости, которыя стоютъ того, чтобъ вы ихъ выслушали,“ сказалъ ему сей послѣднiй.

—„Если Макъ Илдуй принесъ сiи новости: то они должны быть важны!“ отвѣчалъ Монтрозъ, называя сего начальника собственнымъ его именемъ: „хороши ли они, или дурны?“

—„Это зависитъ отъ тѣхъ мѣръ, какiя вы принимаете?“

—„Но вѣрны ли они?“

—„Конечно, или я не принесъ бы ихъ.—И такъ знай-

те, что уставши слѣдовать за симъ Далжеттіемъ, который, имѣя порученіе разпознать позицію непріятеля съ небольшимъ отрядомъ конницы, ѣхалъ такъ медленно, какъ будто бы на всякомъ шагу опасался попасться въ засаду, я разстался съ нимъ, и съ шестью человѣками солдатъ своихъ пошелъ въ Инверлоши. Аржиль теперь туда приближается, предводительствуя тремя тысячами человѣкъ избранныхъ солдатъ, коими начальствуетъ цвѣтъ сыновъ Діармида. Вотъ мои новости!—они вѣрны, а вы сами разсудите, хороши ли они, или дурны!"

—„Они превосходны!" вскри-

чалъ Монтрозъ: ,,гласъ Макъ Илдуя всегда пріятенъ слуху Монтроза, а особенно когда объявляетъ о такомъ случаѣ, въ которомъ можно пріобрѣсть славу. Сколько у насъ осталось теперь солдатъ?"

Онъ приказалъ зажечь факелы, и обошелъ свой небольшой лагерь, чтобъ сдѣлать скорое изчисленіе войску. Монтрозъ тотчасъ увидѣлъ, что большая часть онаго разсѣялась по обычаю, чтобъ отнести въ горы свои добычу. Съ нимъ было тогда не болѣе 1200 или 1400 человѣкъ.

—,,Это составляетъ не болѣе третьей части войскъ Аржиля," сказалъ Монтрозъ

съ задумчивымъ видомъ, „Монтаньяры противъ Монтаньяровъ. . . Съ покровительствомъ Бога, помогающаго Королевской сторонѣ, я не сталъ бы медлить, еслибъ ихъ было только двое противъ одного.“

—„Такъ чтожъ, не медлите!“ вскричалъ Камеронъ: „лишь только звукъ роговъ вашихъ возвѣститъ нападеніе на Макъ Каллюмора, какъ не останется ни одного человѣка въ долинахъ, который не услышалъ бы сего звуку. Гленгари, Кеппохъ, я самъ, мы умертвимъ того нещастнаго, который не захочетъ слѣдовать за нами, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Завт-

рашній или послѣ завтрашній день будетъ днемъ сраженія для всѣхъ тѣхъ, которыя носятъ имя Камерона и Макъ Донеля, каково бы ни было слѣдствіе сраженія!“

—„Вы говорите, какъ слѣдуетъ говорить всякому храброму воину, благородный другъ мой!“ сказалъ Монтрозъ, пожимая ему руку: „я буду трусъ, самый подлый трусъ, если не отдамъ справедливости столь достойнымъ воинамъ, и если хотя на одну минуту усумнюсь въ побѣдѣ. Мы нападемъ на этого Макъ Каллюмора, слѣдующаго за нами подобно хищному ворону, дабы пожрать остатки вой-

ска нашего, если встрѣтимъ прежде его храбрыхъ непріятелей, которые ослабятъ насъ или побѣдятъ. Пусть начальники и Офицеры собираются со всевозможною поспѣшностію; а вы, принесшіе намъ первое извѣстіе о семъ щастливомъ случаѣ, (ибо я почитаю за щастіе быть близко къ непріятелю, съ которымъ горю желаніемъ сразиться), вы поведете насъ къ побѣдѣ! — а чтобъ скорѣе одержать оную, покажете намъ самую кратчайшую дорогу къ непріятелю."

—„Положитесь на меня," сказалъ Макъ Илдуй: „если я показалъ вамъ тѣ дороги, по которымъ вы могли сдѣ-

лать отступленіе чрезъ сіи дикія степи: то, съ какою радостію и поспѣшностію поведу я васъ, когда должно сражаться съ Макъ Каллюморомъ!"

Скоро все пришло въ движеніе въ лагерѣ, и всѣ начальники, созванные Монтрозомъ, оставили грубый одръ, на коемъ искали кратковременнаго отдохновенія.

—„Никогда," сказалъ Маіоръ Далжетти, стряхнувъ съ платья своего сухія вѣтви, къ нему прильнувшія, на которыхъ онъ лежалъ: „никогда не оставлялъ я съ такою трудностію жесткой своей постели, какъ сего дня! Не успѣлъ закрыть глазъ, какъ Графъ уже зо-

вѣтъ меня; однако же весьма натурально, что Его Превосходительство имѣетъ во мнѣ непрестанно нужду; ибо во всей его арміи нѣтъ ни одного человѣка, который бы болѣе меня имѣлъ опытности и лучше меня зналъ тактику.“

Сказавъ сіе, онъ пошелъ въ совѣтъ, въ коемъ Монтрозъ, не взирая на педантство его и надутой видъ, слушалъ его всегда съ большимъ вниманіемъ, сколько потому, что Маіоръ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ военныя познанія и давалъ иногда не безполезные совѣты, столько же и потому, что Далжетти служилъ, такъ сказать, перевѣсомъ, когда на-

чальники Монтаньяровъ давали мнѣніе, на которое Графъ не хотѣлъ соглашаться.

Въ этомъ случаѣ Маіоръ поспѣшно одобрилъ планъ возвратиться и напасть на Аржиля, сравнивая оный съ геройскимъ поступкомъ великаго Густава, который въ то время, какъ на Сѣверѣ грозила ему многочисленная армія, собранная Валленштейномъ въ Богеміи, пошелъ противъ Герцога Баваріи и обогатилъ войска свои, разграбивъ сію плодоносную страну.

Начальники Гленгари, Кеппохъ и Лошіель, коихъ племена обитали въ сосѣднихъ горахъ и долинахъ, не усту-

пали другимъ поколѣніямъ ни въ храбрости, ни въ воинскомъ духѣ. Они собрали всѣхъ своихъ вассаловъ, бывшихъ въ состояніи носить оружіе, и дали имъ приказаніе соединиться съ арміею Королевскаго Намѣстника, собравшись подъ знамена единоплеменныхъ своихъ начальниковъ, когда они пойдутъ въ Инверлоши. Никакое приказаніе не было столь поспѣшно и охотно исполнено. Природная страсть къ войнѣ и преданность къ Королю, (ибо Монтаньяры почитали Короля за начальника, оставленнаго своимъ племенемъ), а также и слѣпое повиновеніе приказаніямъ своихъ начальниковъ при-

влекли въ армію Монтроза не только всѣхъ окрестныхъ Монтаньяровъ, могшихъ служить, но даже и такихъ, которые по крайней мѣрѣ по лѣтамъ своимъ казались неспособны къ перенесенію военныхъ трудовъ.

На другой день Монтрозъ, при переходѣ чрезъ горы Лохаберскія, между тѣмъ какъ непріятель не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о его приближеніи, увидѣлъ множество людей, выходящихъ изъ пещеръ, которые единодушно собирались подъ знамена разныхъ начальниковъ. Сіе обстоятельство удвоило рвеніе и энтузіазмъ во всемъ войскѣ, которое, по предсказанію храбраго на-

чальника Камероновъ, втрое умножилось, когда приближилось къ непріятелю.

Между тѣмъ, какъ Монтрозъ совершалъ свое предпріятіе, Аржиль, предводительствуя своею арміею, приближался къ берегамъ рѣки Лоши, соединяющей озеро сего имени съ озеромъ Ейломъ. Древній замокъ Инверлоши, бывшій прежде Королевскою крѣпостію, и въ тогдашнее время былъ еще укрѣпленнымъ и важнымъ мѣстомъ. Почему Аржиль, избравъ оный главною своею квартирою, поставилъ лагеремъ армію свою вокругъ замка въ обширной долинѣ, гдѣ соединялись два озера. Многія суда, наполненныя

съѣстными запасами, также туда прибыли, и такимъ образомъ войска размѣщены были какъ не льзя лучше.

Маркизъ, совѣтуясь съ Отенбреккомъ и Арденворомъ, изъявилъ имъ увѣренность свою въ томъ, что Монтрозъ былъ на краю пропасти, долженствовавшей навсегда поглотить его. „Войска его," говорилъ онъ, „должны безпрестанно уменьшаться, по мѣрѣ того, какъ будутъ проходить сіи необработанныя и дикія пустыни. Если онъ пойдетъ на Востокъ: то встрѣтится съ Гурріемъ и Бальи; если обратится на Сѣверъ: то попадется въ руки Сексфорта; если же вздумаетъ остано-

виться въ какомъ-нибудь мѣстѣ: то подвергнется нападенію всѣхъ трехъ армій совокупно."

—„Для меня весьма непріятно, Милордъ," сказалъ Отенбреккъ, „если Жамесъ Грагамъ побѣжденъ будетъ другими, а не нами, или когда мы должны будемъ раздѣлять съ иностранцами славу побѣды. Насъ лишилъ онъ всего того, что было для насъ драгоцѣнно, раззоривъ наше Графство, и потому съ нами должен разсчитаться. Я горю желаніемъ лично разплатиться съ Монтрозомъ, а это такой долгъ, котораго не позволю никому другому заплатить за себя!"

—„Вы слишкомъ точны,“ сказалъ Аржиль: „что за нужда, кто бы ни пролилъ кровь Грагама, только бы кровь сыновъ Діармида перестала течь. Какъ вы думаете, Арденворъ?“

—„Я, Милордъ,“ отвѣчалъ Сиръ Дунканъ: „я думаю, что желанія Отенорекка скоро исполнятся, и что онъ скоро будетъ имѣть случай лично разсчитаться съ Монтровомъ! Наши передовые посты объявили, что Камероны собираются въ дефилеяхъ Бенъ-Невиса. Слѣдовательно думать надобно, что Монтрозъ сюда приближается, и что они хотятъ соединиться съ нимъ; ибо вѣроятно Монтаньяры сіи не

для того берутъ оружіе, чтобъ прикрыть его отступленіе.“

—„Это вѣрно, Макъ Илдуй, непримиримый врагъ нашъ вздумалъ произвесть гдѣ-нибудь грабительство,“ сказалъ Аржиль: „можетъ быть также онъ намѣревается напасть на передовые наши посты, или безпокоить насъ въ то время, какъ мы завтра отсюда выступимъ.“

—„Я повсюду разослалъ лазутчиковъ,“ сказалъ Сиръ Дунканъ, „и мы скоро узнаемъ, точно ли Камероны собираютъ войска свои; въ такомъ случаѣ мы узнаемъ также, въ чемъ заключаются ихъ предпріятія и на ка-

кіе пункты хотятъ они напасть."

Лазутчики долго не возвращались, и уже послѣ восхожденія луны движеніе въ замкѣ и лагерѣ возвѣстило, что они принесли какое-нибудь важное извѣстіе. Нѣкоторые изъ солдатъ, посланные Арденворомъ для открытія, возвратились, не могши собрать вѣрныхъ свѣденій, ни другихъ подробностей, кромѣ нѣсколькихъ невѣрныхъ слуховъ о движеніяхъ, обнаруживающихся въ странѣ Камероновъ. Крики войны и мщенія раздавались въ горахъ ихъ. Сказали бы, что изъ пещеръ Бенъ-Невиса изходятъ сіи пророческіе и неизъяснимые звуки, воз-

буждающіе иногда приближеніе бури. Другіе же лазутчики, слишкомъ далеко завлеченные своею ревностію, были пойманы и взяты въ плѣнъ жителями опасныхъ дефилеевъ, въ которыя они хотѣли проникнуть.

Между тѣмъ армія Монтроза продолжала быстро приближаться. Вскорѣ авангардъ оной и передовые посты Аржиля встрѣтились, и послѣ небольшой перестрѣлки возвратились въ центръ своихъ армій, чтобъ возвѣстить начальникамъ своимъ о прибытіи непріятеля и принять отъ нихъ повелѣнія.

Сиръ Дунканъ Арденворъ и Отенбреккъ тотчасъ вскочили на лошадей своихъ,

чтобъ осмотрѣть положенie различныхъ постовъ, а Маркизъ Аржиль показалъ себя достойнымъ званiя главнаго начальника, разположивъ войска свои въ долинѣ такимъ образомъ, что ни на которомъ пунктѣ не льзя было напасть на оныя нечаянно; ибо онъ ожидалъ нападенiя, если не ночью, то по крайней мѣрѣ по утру.

Монтрозъ столь хорошо скрылъ войска свои въ горныхъ дефилеяхъ, что Арденворъ и Ошенбреккъ, не взирая на покушенiя, внушенныя имъ благоразумiемъ, никакъ не могли узнать числа своихъ непрiятелей. Однакожъ они сдѣлали заключенiе, что сколь ни велика

армія Монтроза, но все они превосходили его числомъ.

Когда они возвратились сообщить Монтрозу свои замѣчанія, что Аржиль никакъ не хотѣлъ вѣрить тому, что онъ долженъ былъ сражаться съ арміею Монтроза. „Это будетъ такой безумной поступомъ," сказалъ онъ, „на который самъ Жамесъ Грагамъ, не взирая на всю его дерзость и опрометчивость, никогда не можетъ рѣшиться." Маркизъ думалъ, что Монтаньяры, хотѣвшіе задержать его армію, были древніе его враги — Гленко, Кеппохъ и Гленгари, которыхъ войска, будучи несравненно менѣе числомъ его

войскъ, вскорѣ принуждены будутъ сдаться.

Войска Аржиля исполнены были энтузіазма; и горя желаніемъ отмстить за раззореніе, претерпѣнное ихъ родиною, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидали разсвѣта. Передовые посты обѣихъ армій всю ночь стояли подъ ружьемъ, а солдаты Аржиля спали въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ должны были сражаться.

Лишь только слабый свѣтъ началъ посребрять вершины высокихъ горъ, ихъ окружавшихъ, какъ начальники обѣихъ армій приготовились къ сраженію. Это было 2 Февраля 1646 года. Войска Аржиля построены были въ

двѣ линіи, начиная съ угла, который составляла рѣка съ озеромъ, и ночь ни мало не уменьшила ихъ ревности. Ошенбреккъ желалъ бы тотчасъ вступить въ сраженіе, напасти на передовые посты непріятеля; но Аржиль по обыкновенной своей осторожности заблагоразсудилъ остаться въ оборонительномъ положеніи.

Скоро они услышали сигналы, удостовѣрявшіе, что непріятель не замедлитъ напасть на нихъ, и могли различить въ ущеліяхъ горъ воинскіе марши разныхъ племенъ по мѣрѣ приближенія ихъ къ долинѣ. Маршъ Камероновъ, отличавшійся достопримѣчательными слова-

ми: „придите ко мнѣ, я дамъ вамъ пищу,“ которые относились къ волкамъ и воронамъ, съ ужаснымъ звукомъ раздавался въ отечественныхъ ихъ долинахъ. Говоря нарѣчіемъ древнихъ горныхъ Бардовъ: „гласъ войны Гленгарія также не безмолвствовалъ;“ а пѣсни другихъ племенъ легко было можно различать, по мѣрѣ того, какъ они всходили на вершины горъ, съ которыхъ потомъ должны были сходить въ долину.

— „Вы видите,“ сказалъ Аржиль своимъ Генераламъ, „что мы имѣемъ дѣло только съ нашими сосѣдями; Жамесъ Грагамъ не осмѣлился

разпустить предъ нами своего знамени!“

Но въ то же мгновеніе пронзительный звукъ трубъ конницы раздался въ горахъ, и начальники узнали пѣснь, которою въ Шотландіи воздавали почесть Королевскому знамени.

—„Вотъ сигналъ, Милордъ,“ сказалъ Сиръ Дунканъ,“ возвѣщающій, что тотъ человѣкъ, который величаетъ себя Королевскимъ Намѣстникомъ, самъ находится въ арміи.

—„И какъ кажется у нихъ есть конница!“ прибавилъ Отенбреккъ: „я никакъ этого не предполагалъ!... Но отъ чего вы такъ встревожились, Милордъ? вы въ такомъ сму-

щеніи и замѣшательствѣ въ то время, когда намъ должно сражаться съ непріятелемъ, и отмстить за зло, имъ намъ причиненное?“

Аржиль, ничего не отвѣчая, устремилъ глаза на руку свою, которая была перевязана по случаю паденія его съ лошади за нѣсколько дней тому назадъ.

—„Правда,“ сказалъ Арденворъ съ живостію, „что сей нещастный случай, Милордъ, не позволяетъ вамъ владѣть ни саблею, ни пистолетомъ. Но сядьте въ шлюбку; мы имѣемъ нужду въ головѣ вашей, потому что вы нашъ начальникъ, а не въ рукѣ, потому что вы не солдатъ!“

—„Нѣтъ;“ сказалъ Аржиль,

отдаляя съ гордостію мысль, которую другія чувства можетъ быть одобряли во глубинѣ его сердца," пусть никто не скажетъ, что я убѣжалъ отъ Монтроза; если я не могу сражаться: то по крайней мѣрѣ умру посреди дѣтей своихъ!"

Тутъ многія другія начальники подошли и стали убѣждать Аржиля, чтобъ онъ поручилъ въ сей день начальство Лердамъ Арденвору и Отенбрекку, а самъ смотрѣлъ бы издали на сраженіе. Мы не смѣемъ явно обвинять Аржиля въ трусости, ибо хотя жизнь его не ознаменована никакимъ храбрымъ подвигомъ, однако же въ сіи послѣднія

минупы онъ велъ себя съ шакимъ спокойсшвіемъ и благородсшвомъ, чшо поведеніе его какъ въ семъ случаѣ, шакъ и во многихъ другихъ, должно приписашь болѣе нерѣшимосши, нежели недосшашку въ мужесшвѣ. Но когда шайный голосъ говоришъ человѣческому сердцу, чшо жизнь для него драгоцѣнна, и когда люди, окружающіе его, увѣряюшъ его, чшо она не менѣе драгоцѣнна и для всѣхъ: шо исшорія представляешъ намъ шысячу примѣровъ, въ коихъ люди, имѣвшіе характеръ шверже и рѣшишельнѣе Маркиза Аржиля, въ шакихъ случаяхъ уступили любви къ жизни, особенно когда имѣли сполъ

достаточныя причины къ извиненію.

—„Проводите его до берегу, если хотите," сказалъ Отенбрекъ своему родственнику; „а я постараюсь воспрепятствовать, чтобъ сей гибельный духъ не разпространился между нами!"

Сказавъ сіе, онъ бросился въ ряды солдатъ, прося и заклиная ихъ вспомнить прежнюю ихъ славу и теперешнее превосходство числа, напомнивъ имъ объ оскорбленіяхъ, за которыя должны были отмстить побѣдивши, и о жребіи, котораго должны были страшиться, если будутъ побѣждены. Наконецъ рѣчами своими и убѣжденіями ему удалось воз-

будитъ во всѣхъ сердцахъ тотъ энтузіазмъ, который одушевлялъ его самаго.

Въ это время Аржиль съ притворнымъ сопротивленіемъ позволилъ вести себя къ берегамъ озера, гдѣ его посадили на шлюбку, съ которой онъ смотрѣлъ на сраженіе, спасая такимъ образомъ жизнь свою, но не честь.

Сиръ Дунканъ Кампбель Арденворъ, не взирая на нетерпѣніе свое соединиться съ арміею, остался нѣсколько минутъ, устремивъ глаза на шлюбку, увозившую начальника его далеко отъ поля сраженія. Въ душѣ его гнѣздились чувства, которыя онъ тщетно старался преодолѣть. Каждый начальникъ

почитаемъ былъ отцемъ въ глазахъ своего племени, и потому членъ его колѣна не смѣлъ осудить слабостей его съ такою строгостію, съ какою могъ бы осуждать слабости другихъ людей. Притомъ же Аржиль, будучи жестокъ и строгъ въ разсужденіи другихъ, былъ щедръ и великодушенъ къ собственному своему племени; и потому благородное сердце Арденвора терзалось прискорбіемъ, когда онъ помышлялъ объ оскорбительныхъ заключеніяхъ, къ коимъ поступокъ Аржиля могъ подать поводъ.

—„Пусть такъ," подумалъ онъ: „превозмогши свое смущеніе;" но изъ всѣхъ благо-

родныхъ предковъ его, я не знаю ни одного, который бы захотѣлъ удалиться въ то время, какъ знамя Діармида развѣвается въ долинѣ!"

Въ это время послышались крики войны, и Сиръ Дунканъ, забывъ все при гласѣ чести, тотчасъ поскакалъ къ своему посту, находившемуся на правомъ крылѣ арміи Аржиля.

Удаленіе Маркиза не избѣгло вниманія его непріятелей, которые, занимая высокую позицію, могли видѣть все произходившее въ долинѣ. — Такъ какъ тѣ, которые удалялись къ арріергарду, были верхами: то сіе обстоятельство доказывало,

что они были начальники арміи.

—„Вотъ, сказалъ Далжетти, „вотъ какіе благоразумные всадники! Они хотятъ сберечь лошадей своихъ!—Вотъ Сиръ Дунканъ на своей темногнѣдой лошади, которая весьма бы была подъ стать моему Густаву!"

—„Вы ошибаетесь, Маіоръ," сказалъ Монтрозъ съ насмѣшливою улыбкою: „они провожаютъ съ поля сраженія драгоцѣннаго своего начальника! Дайте сигналъ къ нападенію... передайте приказъ сей всей арміи!... Гленгари, Кеппохъ, Макъ-Вуригъ! стремитесь на непріятеля, начальствуя вашими храбрыми воинами!... А

вы, Маiоръ Далжетти, поспѣшите сказать Макъ Илдую немедленно вступить въ сраженiе, если онъ любитъ Лохаберъ. . . потомъ возвратитесь и постройте отрядъ вашъ конницы вокругъ моего знамени; онъ послужитъ намъ резервомъ вмѣстѣ съ Ирландцами! . . . Впередъ друзья! . . .

ГЛАВА XX.

„Tel qu'aux flots en furie
„Un roc inébranlable oppose un front d'airain,
„Tel Inisfail résiste aux efforts de Lochlin."

Ossian.

Громкіе звуки трубъ и роговъ, сихъ военныхъ инструментовъ, возвѣщающихъ битву и кровопролитіе, дали сигналъ къ нападенію; и въ то же время крики болѣе двухъ тысячь воиновъ отвѣтствовали на оныя. Монтаньяры арміи Монтро-

за, раздѣленные на три корпуса, или колонны, бросились изъ дефилей, доселѣ скрывавшихъ ихъ отъ непріятеля, и устремились съ яростію на Кампбелей, съ твердостію ожидавшихъ ихъ нападенія. Позади сихъ колоннъ, вступившихъ въ сраженіе, шелъ резервной корпусъ, составленный изъ Ирландцевъ, подъ предводительствомъ Колкитто. Посреди ихъ развѣвалось Королевское знамя, и Монтрозъ самъ былъ тутъ же; а на флангахъ подъ начальствомъ Далжеттія было пятьдесятъ всадниковъ, которыхъ съ величайшимъ трудомъ довольно порядочно снарядили.

Правое крыло Роялистовъ

предводительствуемо было Ленгаріемъ, лѣвое Лошіелемъ, а центромъ начальствовалъ Графъ Ментеитъ, который вмѣсто того, чтобъ остаться съ конницею, предпочелъ сражаться пѣшимъ въ Монтаньярскомъ костюмѣ.

Монтаньяры, устремившись въ долину съ яростію, ихъ отличавшею, остановились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля, чтобъ пустить стрѣлы свои и сдѣлать залпъ изъ ружей. Кампбели выдержали атаку съ рѣшительнымъ мужествомъ. Имѣя болѣе огнестрѣльнаго оружія и будучи неподвижны, они прицѣливались съ большею вѣрностью; и потому произвели бѣглый огонь изъ

Ружей, гораздо ужаснѣйшій, нежели какой производили ихъ непріятели. Чтобъ вознаградить сію невыгоду, Монтаньяры вдругъ пробѣжали пространство, отдѣлявшее ихъ отъ войскъ Аржиля, и напавши на нихъ вблизи, привели въ двухъ пунктахъ ряды ихъ въ безпорядокъ и замѣшательство. Еслибъ это было регулярное войско: то побѣда тотчасъ была бы рѣшена; но здѣсь Монтаньяры сражались противъ Монтаньяровъ, а свойство оружій ихъ и проворство сражающихся были съ обѣихъ сторонъ одинаковы.

Сраженіе было продолжительно и упорно. Съ звукомъ

сабель и сѣкиръ, съ трескомъ ударявшихся объ щиты, мѣшались дикіе и прерывающіеся вопли, коими Монтаньяры сопровождаютъ всякое трудное или жестокое дѣйствіе. Многіе изъ солдатъ обѣихъ армій знали другъ друга лично, и старались встрѣтиться по ненависти, мщенію, или будучи побуждаемы чувствомъ соревнованія. Ни одна сторона ни хотѣла отступить ни на шагъ, и мѣста убитыхъ тотчасъ занимаемы были другими солдатами, горѣвшими желаніемъ сражаться въ первомъ ряду. Густой дымъ, подобный пару, изходящему изъ кипящаго котла, закрывалъ видъ поля

сраженія и висѣлъ надъ головами сражающихся.

Въ центрѣ и на правомъ крылѣ преимущественно было почти равно съ обѣихъ сторонъ; но Лердъ Арденворъ имѣлъ кратковременный верхъ надъ лѣвымъ крыломъ Монтроза, сколько по причинѣ воинскихъ своихъ талантовъ, столько же и по превосходству числа. Въ то время, какъ Роялисты приготовлялись напасть на войска Аржиля, Сиръ Дунканъ вытянулъ косвенно флангъ своего отряда; и такимъ образомъ они подверглись двойному ружейному огню какъ спереди, такъ и съ боку, и не взирая на всѣ усилія начальника ихъ, они

пришли въ безпорядокъ. Въ то же мгновеніе Сиръ Дунканъ далъ сигналъ къ нападенію на непріятеля, и сверхъ чаянія самъ началъ атаку, когда Кампбели думали напротивъ, что непріятель начнетъ сраженіе.

Внезапная перемѣна, когда вмѣсто того, чтобъ нападать, принуждены бываютъ защищаться, всегда производитъ робость и часто бываетъ пагубна. Но безпорядокъ сей былъ исправленъ приближеніемъ Ирландскаго резерва, коего непрерывный бѣглый огонь принудилъ рыцаря Арденвора уступить побѣду и быть довольнымъ тѣмъ, что отразилъ непріятеля. Въ продолженіи сего

времени Монтрозъ, возпользовавшись небольшою березовою рощицею и дымомъ, произведеннымъ безпрерывною пальбою Ирландской пѣхоты, которыя скрывали всѣ его движенія, приказалъ Далжеттію слѣдовать за собою съ его всадниками. Сдѣлавши большой объѣздъ, чтобъ ударить во флангъ праваго крыла непріятеля, онъ приказалъ шести трубачамъ своимъ трубить къ атакѣ.

Звонкія трубы конницы и топотъ скачущихъ лошадей произвели надъ отрядомъ, командуемымъ Сиромъ Дунканомъ, такое дѣйствіе, котораго мы не въ состояніи будемъ понять, если не объ-

яснить тому причины. Монтаньяры тогдашняго времени, подобно Перуанцамъ, боялись лошадей, приученныхъ къ войнѣ, и имѣли самыя странныя и суевѣрныя мнѣнія о способахъ, какія къ тому употребляли. Когда они увидѣли вдругъ среди рядовъ своихъ сіи ужасные для нихъ предметы: то паническій страхъ овладѣлъ ими, и не взирая на всѣ усилія Сиръ Дункана, чтобъ остановить дѣйствія онаго, робость разпространилась во всѣхъ рядахъ.—Видъ Маіора Далжеттія, съ головы до ногъ покрытаго непроницаемою бронею и заставлявшаго лошадь свою прыгать и скакать, чтобъ придать бо-

лѣе вѣсу каждому удару, имъ наносимому, былъ достаточенъ къ тому, чтобъ поразить ужасомъ людей, до сего времени не видавшихъ хорошо вооруженнаго всадника.

Отраженные Роялисты возвратились тогда опять къ сраженію, а Ирландцы продолжали производить непрерывный бѣглый огонь, который то и дѣло болѣе и болѣе опустошая непріятельскіе ряды, воспрепятствовалъ имъ оказывать дальнѣйшее сопротивленіе. Солдаты Аржиля начали отступать, и наконецъ обратились въ бѣгство; большая часть къ озеру, а другія въ разныя стороны. Разбитіе праваго крыла, само по себѣ рѣшитель-

ное, сдѣлалось совершенно не вознаградимо смертію Отенбрекка, который, стараясь привести въ порядокъ ряды своихъ солдатъ, пораженъ былъ пулею въ сердцѣ.

Рыцарь Арденворъ, съ 200 или 300 человѣкъ, дворянинъ, испытанной храбрости, тщетно старался прикрыть бѣгство войскъ своихъ. Люди сіи были жертвами своего усердія. Будучи окружены со всѣхъ сторонъ и разлучены одни съ другими, они вскорѣ увидѣли, что всѣ усилія ихъ безполезны. Но тѣмъ не менѣе продолжали сражаться, какъ отчаянные, не имѣя болѣе другой цѣли, какъ умереть со славою,

сражаясь до послѣдняго издыханія.

– „Сдайтесь, Сиръ Дунканъ!“ вскричалъ Далжетти, примѣтивъ Лерда сего защищающагося противъ многихъ Монтаньяровъ, а чтобъ скорѣе заставить его просить пощады, онъ бросился на него съ обнаженною саблею. Сиръ Дунканъ, вмѣсто отвѣта на сіи слова, выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета. — Роковая пуля не попала въ рыцаря, но поразила въ сердцѣ благороднаго коня его, бѣднаго Густава, который въ то же мгновеніе палъ мертвъ на полѣ сраженія. Ранальдъ Макъ Ягъ, принимавшій участіе въ сраженіи и бывшій изъ

числа тѣхъ, кои нападали на Сиръ Дункана, возпользовался минутою, когда сей послѣдній обратился, чтобъ выстрѣлить въ Далжетія, и поразилъ его своею саблею.

Тогда нѣсколько Монтаньяровъ бросились грабить рыцаря, опасно раненаго, коего вооруженіе и одежда были весьма великолѣпны. Но вдругъ прибѣжалъ Алланъ Макъ Олай: — измѣнники!" вскричалъ онъ: „кто изъ васъ осмѣлился поднять руку на рыцаря Арденвора, когда я именно далъ приказаніе щадить жизнь его?"

Монтаньяры, бывшіе всѣ, кромѣ Ранальда, изъ племени его брата, тотчасъ из-

винились, свернувъ всю вину на иностранца; шакъ называли они Ранальда Макъ Яга.

—„Проклятый островитянинъ!“ сказалъ Алланъ, позабывъ въ гнѣвѣ своемъ даже братство свое съ нимъ по дару предвидѣнія. „Преслѣдуй другихъ непріятелей, а сему старцу не причиняй никакого вреда, если не хочешь умереть отъ руки моей!“ Они были тогда почти одни; ибо угрозы Аллана принудили другихъ Монтаньяровъ удалиться. — Всѣ солдаты толпою стремились къ озеру, неся передъ собою страхъ и ужасъ и оставляя позади себя только мертвыхъ и умирающихъ.

Макъ Ягъ, съ давняго уже времени питавшій ненависть и желаніе отмстить, не захотѣлъ упустить столь благопріятнаго случая.

—„Мнѣ умереть отъ руки твоей, обагренной кровію родныхъ моихъ?" вскричалъ онъ, отвѣчая на угрозы угрозами: „нѣтъ! ты самъ умрешь отъ руки моей!"

При сихъ словахъ онъ нанесъ ему ударъ саблею съ такимъ проворствомъ, что Алланъ едва успѣлъ отразить оный щитомъ своимъ.

—„Измѣнникъ!" вскричалъ онъ, ставши въ оборонительное положеніе: „отъ чего ты въ такомъ бѣшенствѣ?"

—„Я Ранальдъ, сынъ нощи!" вскричалъ врагъ его,

нанося ему вторичный ударъ, и тогда началось между ими страшное и отчаянное сраженіе.

Казалось, что само небо хотѣло, чтобъ Алланъ Макъ Олай отмстилъ за мать свою, столь недостойно оскорбленную, истребляя одного за другимъ всѣхъ членовъ сего дикаго колѣна. Прежнія сраженія то доказали, а слѣдствіе сего послѣдняго служило новымъ доказательствомъ. Ранальдъ, получивъ глубокую рану въ голову, повалился подлѣ Сиръ Дункана. Макъ Олай, ставъ ногою ему на брюхо, хотѣлъ произить его своею саблею, какъ вдругъ оная

отвращена была третьимъ человѣкомъ, вмѣшавшимся въ сраженіе.

Это былъ Маіоръ Далжетти, который, будучи оглушенъ паденіемъ своей лошади, и попавши подъ нее, съ трудомъ высвободился по причинѣ тяжелаго своего вооруженія.

—„Не троньте его," сказалъ онъ, „и не причиняйте никакого зла сему храброму человѣку, находящемуся въ службѣ Его Превосходительства, а также и подъ особеннымъ моимъ покровительствомъ! Не уже ли вы забыли воинскій артикулъ, не дозволяющій ни одному рыцарю мстить за свои лич-

ныя обиды, flagrante bello, multo magis flagrante praelio?

—„Прочь, безумецъ!“ вскричалъ Алланъ: „не отнимай у тигра его добычи!“

Но Далжетти, вмѣсто того, чтобъ отойти прочь, обнажилъ свою саблю, и ставши передъ Ранальдомъ, сказалъ Аллану, что левъ не дозволитъ тигру растерзать своей добычи. Грозный взоръ, брошенный Маіоромъ на Аллана Макъ Олая, заставилъ сего послѣдняго обратить всю ярость свою противъ дерзкаго, осмѣлившагося удержать его мщеніе, слѣдуя взаимному бѣшенству, они тотчасъ начали между собою поединокъ.

Въ сію минуту Монтрозъ, возвращавшійся назадъ, чтобъ собрать свой небольшой отрядъ конницы и потомъ преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, примѣтилъ издали двухъ сражающихся. Зная, какія пагубныя слѣдствія могло произвесть въ войскахъ его малѣйшее несогласіе, онъ тотчасъ поскакалъ къ нимъ, и видя Макъ Яга распростертаго на землѣ и Далжеттія старающагося защищать его отъ Аллана, онъ тотчасъ угадалъ причину ссоры, и въ одно мгновеніе выдумалъ средства, какъ разлучить ихъ.

—„Фи! господа!“ вскричалъ онъ, „какъ можно ссориться

на полѣ побѣды! вы оба или безумные, или слишкомъ упоены славою, которую сего дня пріобрѣли?"

—„Прошу Ваше Сіятельство замѣтить, что я не виноватъ," сказалъ Далжетти: „находясь въ службѣ многихъ Государей, я всегда былъ bonus socius, buen camarada; но если кто обижаетъ человѣка, находящагося подъ моимъ покровительствомъ. . ."

—„И если кто осмѣливается," вскричалъ Алланъ, „удержать справедливое мое мщеніе. . ."

—„Перестаньте, господа!" повторилъ Монтрозъ: „когда я имѣю въ васъ нужду,

въ то время вы забавляетесь частными своими ссорами; въ другое время можете рѣшить ихъ; а теперь, если мы упустимъ случай воспользоваться нашею побѣдою: то не скоро найдемъ оный. Я намѣренъ обѣмъ вамъ дать весьма важныя порученія. Маіоръ Далжетти, станьте на колѣни!"

—,,Чтобъ я сталъ на колѣни?" повторилъ Маіоръ: такому приказанію я еще не привыкъ повиноваться, развѣ только тогда, когда оно происходитъ отъ церкви! У Шведовъ первой рядъ становится на колѣни, но и то тогда только, когда полкъ построенъ изъ шести рядовъ."

—„Какъ бы то ни было,“ возразилъ Монтрозъ, „станьте на колѣни, я приказываю вамъ именемъ Короля Карла, будучи его намѣстникомъ.“

Когда Далжетти, не взирая на отвращеніе свое, повиновался: то Монтрозъ, ударивъ его плашмя мечемъ своимъ, сказалъ: „въ награду за благородные и отличные подвиги, оказанные тобою сего дня, именемъ и властію Короля Карла, нашего Монарха, дѣлаю я тебя кавалеромъ! Будь храбръ, честенъ и щастливъ! — Теперь Сиръ Дюгальдъ Далжетти возвратитесь къ своему посту. Соберите вашихъ всадниковъ и преслѣдуйте непріятелей, бѣгущихъ къ озеру

Но старайтесь, чтобъ отрядъ вашъ не разсѣвался, и не заѣзжайте слишкомъ далеко, преслѣдуя ихъ. Главнѣйшее состоитъ въ томъ, чтобъ возпрепятствовать имъ соединиться. И такъ, Сиръ Дюгальдъ, садитесь на лошадь и исполняйте вашу должность!"

—„Сѣсть на лошадь!" возразилъ новый кавалеръ со вздохомъ: „увы! бѣдный Густавъ палъ на полѣ чести, такъ какъ герой, котораго онъ носилъ имя. Я сдѣланъ кавалеромъ въ то время, когда у меня нѣтъ лошади!"

—„Нѣтъ, я не допущу до этого," сказалъ Монтрозъ: „дарю вамъ собственную свою лошадь, и надѣюсь, что

вы будете ею довольны! И так, Сиръ Дюгальдъ, спѣшите теперь же собрать вашъ отрядъ, чтобъ преслѣдовать бѣгущихъ!"

Изъявивши Графу свою живѣйшую благодарность, Сиръ Дюгальдъ сѣлъ на гордаго коня, ему подареннаго; и потомъ, прося Его Превосходительство вспомнить, что Макъ Ягъ былъ подъ особеннымъ его покровительствомъ, онъ тотчасъ поскакалъ исполнить приказанія Графа съ величайшимъ усердіемъ и поспѣшностію.

—„Чтожъ до васъ касается, Алланъ Макъ Олай!" сказалъ Монтрозъ, обращаясь къ Монтаньяру, который,

оперщись на обнаженную свою саблю, съ презришельною улыбкою смошрѣлъ на посвященіе новаго кавалера: „шо я никакъ не думалъ, чшобъ вы, превосходя обыкновенныхъ людей, не имѣющихъ въ виду ничего инаго, кромѣ подлой корысши, жалованья и суешныхъ почесшей, и будучи одарены сверхъ шого глубокими познаніями, дѣлающими васъ столь необходимыми въ дѣлахъ важныхъ, —никакъ не думалъ, чшобъ вы поссорились съ шакимъ человѣкомъ, каковъ Далжешши. Пришомъ же, сшоишъ ли шруда обнажашь саблю для шого, чшобъ ошняшь жизнь у подлаго врага, распросшершаго у ногъ вашихъ?—Полно,

другъ мой! забудьте пустыя ваши ссоры и выслушайте меня. Сія побѣда, если только мы будемъ умѣть ею воспользоваться, должна привлечь Сексфорта на нашу сторону; ибо онъ взялъ противъ насъ оружіе не повѣрности, а потому только, что отчаявался въ успѣхѣ Королевской стороны. Теперь самая благопріятная минута, и я надѣюсь, что не трудно будетъ склонить его къ тому, чтобъ онъ соединилъ войска свои съ нашими. Въ сей увѣренности, я посылаю къ нему храбраго друга моего, Полковника Гая; но такъ какъ надобно, чтобъ его сопровождалъ одинъ изъ начальниковъ Монтаньяровъ,

коего достоинство было бы равно званію Сексфорта, и который имѣлъ бы достаточные таланты и искуство къ тому, чтобъ кончить съ успѣхомъ столь важное дѣло: то я подумалъ объ васъ! —Вы не только во всѣхъ отношеніяхъ способнѣе другихъ исполнить сіе трудное порученіе, но не имѣете здѣсь также особенной должности, которая дѣлала бы присутствіе ваше столь необходимымъ, какъ присутствіе котораго нибудь изъ начальниковъ, коего вассалы находятся въ арміи. Вы знаете всѣ тропинки, всѣ горныя дефилеи, а также нравы и обычаи каждаго племени. И такъ подите; къ

Полковнику: онъ васъ дожидается; потому, что я далъ ему уже всѣ нужныя наставленія. Будьте въ одно время путеводителемъ его переводчикомъ и товарищемъ."

Алланъ Макъ Олай бросилъ на Графа мрачный и проницательный взоръ, какъ бы стараясь открыть, не имѣлъ ли онъ какой-нибудь тайной причины, давая ему сіе порученіе. Но Монтрозъ, будучи искусенъ угадывать тайныя побужденія другихъ, имѣлъ скрывать свои собственныя. Онъ почиталъ весьма важнымъ удалить Аллана въ сію минуту бѣшенства его—и бездѣйствія на нѣсколько дней изъ своего лагеря, чтобъ во время его отсутствія принять нуж-

ныя мѣры для безопасности людей, которые, полагаясь на честь его, согласились служить ему путеводителями. Чтожъ касалось до ссоры Аллана съ Далжеттіемъ: то Монтрозъ надѣялся, что не трудно будетъ помирить ихъ.

Алланъ Макъ Олай, уходя, поручилъ нещастнаго Сиръ Дункана попеченіямъ Монтроза, и сей послѣдній тогда же приказалъ перенесть стараго рыцаря въ безопасное мѣсто, а также и Макъ Яга, отдавъ послѣдняго на руки Ирландцамъ, онъ приказалъ имъ оказывать ему всевозможныя попеченія, какія требовало положеніе его, не позволяя ни подъ какимъ

видомъ ни одному Монтаньяру къ нему приближаться.

Сдѣлавъ сіе, Графъ сѣлъ на заводную лошадь, подведенную ему однимъ изъ слугъ, и объѣхалъ поле побѣды своей, которая была гораздо рѣшительнѣе, нежели какъ онъ надѣялся. Изъ трехъ тысячь, составлявшихъ армію Аржиля, болѣе половины погибло на полѣ сраженія, или во время бѣгства; иные были прогнаны въ ту часть долины, гдѣ рѣка составляетъ уголъ съ озеромъ, такъ что имъ не было мѣста куда скрыться. Большая часть изъ нихъ бросилась въ озеро, стараясь избѣжать непріятеля; другіе же, болѣе щастливые,

переплыли рѣку вплавь, или успѣли спастись другими дорогами. Остальныя войска бросились въ старый замокъ Инверлоти; но будучи лишены съѣстныхъ припасовъ и не имѣя никакой надежды на помощь, они принуждены были сдаться, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ имъ дозволено было спокойно удалиться въ горы свои: оружія, багажъ, снаряды, знамена—все досталось въ добычу побѣдителю.

Это было величайшее пораженіе, претерпѣнное колѣномъ Діармида (такъ называли въ Шотландскихъ горахъ Кампбелей). Въ числѣ убитыхъ было около пяти сотъ дворянъ изъ извѣст-

нѣйшихъ и лучшихъ фамилій; но въ глазахъ прочихъ членовъ сего колѣна сія потеря сколь ни казалась ужасною, была однако же ничто въ сравненіи съ безчестіемъ, какимъ покрывалъ племя ихъ неблагородный поступокъ ихъ главнаго начальника, который, видя, что сраженіе было проиграно, тотчасъ приказалъ поднять якорь и спустился въ озеро на всѣхъ парусахъ и гребя изо всей силы.

ГЛАВА XXI.

„Les vents portent partout le bruit affreux des armes:
,Il sèment en avant la terreur, les alarmes,
„Et laissent derrière eux la misère et lamort.“

Penrose.

Одержавъ блистательную побѣду надъ арміею своего соперника, Монтрозъ лишился также многихъ и своихъ храбрыхъ воиновъ; однако же потеря, имъ понесенная, въ десятеро была менѣе урона, претерпѣннаго непріятелемъ. Число раненыхъ было гораздо значительнѣе, и ме-

жду сими послѣдними находился юный Графъ Ментеитъ, предводительствовавшій центромъ; но къ щастію рана его была такъ легка, что и самъ Монтрозъ оной не примѣтилъ, когда юный воинъ поднесъ Генералу своему знамя Аржиля, которое отбилъ, умертвивши собственною рукою Офицера, его носившаго.

Монтрозъ нѣжно любилъ благороднаго своего родственника, коего великодушный, романическій и безкорыстный характеръ напоминалъ духъ рыцарства героическихъ временъ, весьма различествовавшій отъ духа разсчетливости, эгоизма и жадности, введеннаго почти

во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ — обыкновеніемъ содержать наемныя войска, къ распространенію коего Шотландія всѣхъ болѣе способствовала, доставляя наемныхъ солдатъ почти всѣмъ націямъ. Монтрозъ былъ одушевляемъ такими же чувствами, какъ и Ментеитъ; но опытность научила его пользоваться причинами, заставлявшими другихъ дѣйствовать; однако же въ семъ случаѣ онъ не употребилъ языка лести, не сдѣлалъ Ментеиту ни похвалъ, ни обѣщаній, но съ восхищеніемъ прижавъ къ своему сердцу, вскричалъ: „храбрый мой родственникъ!" — и сіи единыя слова, сопровождаемыя

столь же выразительнымъ движеніемъ, произвели въ сердцѣ юнаго героя радость гораздо живѣйшую и чистѣйшую, нежели когда бы имя его выставлено было самымъ славнымъ образомъ въ донесеніи о выигранной баталіи, посланномъ прямо къ Государю.

—„Теперь, Милордъ," сказалъ онъ, „нѣтъ уже болѣе непріятелей, съ которыми должно бъ было сражаться; и потому позвольте мнѣ исполнить долгъ человѣколюбія. Я сей часъ узналъ, что рыцарь Арденворъ взятъ въ плѣнъ и опасно раненъ."

—„Онъ того и стоитъ," сказалъ Сиръ Дюгальдъ Далжетти, подъѣхавшій къ нимъ

въ сію минуту и принявшій на себя видъ необыкновенной важности, „умерщвивши благороднаго коня моего въ то мгновеніе, какъ я предлагалъ ему честную капитуляцію. Впрочемъ такой поступокъ весьма свойственъ невѣждѣ Монтаньяру, у котораго даже и на то не достаетъ ума, чтобъ поставить редутъ для защищенія стараго своего замка.“

—„Не уже ли вы оплакиваете потерю знаменитаго Густава?“ спросилъ Лордъ Ментеитъ.

—„Увы! такъ Милордъ,“ отвѣчалъ Сиръ Дюгальдъ съ глубокимъ вздохомъ: „Diem clausit supremum, какъ мы

говаривали въ школѣ Марешаля. Впрочемъ для него гораздо славнѣе умерешь на полѣ чести, нежели упасть въ какую - нибудь пропасть или увязнуть въ какомъ-нибудь шинистомъ болотѣ, что съ нимъ вѣроятно случилось бы, еслибъ сія зимняя кампанія продолжалась еще долѣе. Но Его Превосходительству угодно было (говоря сіе, онъ поклонился, смотря на Монтроза) пожаловать мнѣ вмѣсто его сію прекрасную лошадь, которую я осмѣлился назвать *наградою*, въ память сей знаменитой баталіи."

— „Я надѣюсь," сказалъ Монтрозъ, „что вы найдете *награду* искосвую во

всѣхъ военныхъ эволюціяхъ. Однако же, Сиръ Дюгальдъ, намъ не должно забывать, что въ нынѣшнее время въ Шотландіи преданность къ Королевской сторонѣ гораздо чаще награждается петлею, нежели лошадью!"

— „Ваше Превосходительство всегда изволите шутить; но что касается до *награды*, то это прекрасное животное, — она столь же хорошо обучена, какъ и Густавъ, только цвѣтъ шерсти ее гораздо лучше. Впрочемъ весьма жаль, что она нѣсколько дурно воспитана; и это доказываетъ, что до сего времени она жила въ въ дурномъ обществѣ."

—„Что вы хотите сказать?“ возразилъ Лордъ Ментеитъ смѣясь: „вы забыли, что эта лошадь принадлежала Его Превосходительству? Фи, Сиръ Дюгальдъ!“

—„Милордъ,“ отвѣчалъ рыцарь съ важностью: „я этого не позабылъ, и если вамъ угодно будетъ меня выслушать, то вы увидите, что я говорю сущую истину. Объ лошади Его Превосходительства то же можно сказать, что и о солдатахъ, находящихся подъ его начальствомъ: каждый изъ нихъ знаетъ службу, привыкаетъ къ маневрамъ, и стоитъ только сказать одно слово, чтобъ заставить его повиноваться; но обхо-

дительный характеръ пріобрѣтается отъ домашней жизни. И такъ если солдатъ мало выигрываетъ, разговаривая съ своимъ карауломъ, или даже сержантомъ: то какъ можетъ образоваться благородное животное въ компаніи конюховъ? — Вмѣсто того, чтобъ получать отъ нихъ ласки, оно получаетъ удары; слышитъ, что они съ утра до вечера бранятся, и такимъ образомъ благородное четвероногое дѣлается нелюдимомъ, и гораздо болѣе расположено бываетъ кусать своего господина, нежели лизать его руки. Я не такъ воспиталъ Густава; но надѣюсь, что еще не поздно исправить пороки награды."

„Вы говорите какъ оракулъ," сказалъ Монтрозъ: „еслибъ въ школѣ Марешаля въ Аберденѣ было учительское мѣсто для воспитанія лошадей: то Сиръ Дюгальдъ весьма былъ бы способенъ занимать оное."

— „Теперь же," сказалъ вновь пожалованный кавалеръ, „съ позволенія Вашего Превосходительства я поѣду проститься съ бывшимъ моимъ сослуживцемъ."

—„Не намѣрены ли вы отправить его похороны?" спросилъ Монтрозъ, не зная до чего могла довести Маіора привязанность его къ лошади, „и оказать ему военныя почести? Вспомните однакожъ, что мы лишились

многихъ храбрыхъ людей, которыхъ принуждены были похоронить безъ всякой церемоніи!“

—„Извините меня, Ваше Превосходительство,“ отвѣчалъ Даллжетти: „намѣреніе мое не въ томъ состоитъ. Я хочу подѣлиться остатками бѣднаго Густава съ небесными птицами. Имъ оставлю мясо, а себѣ возьму кожу; и въ знакъ памяти о старой нашей съ нимъ дружбѣ хочу сдѣлать себѣ изъ нее мундиръ и нижнее платье, чтобъ носить подъ латами, по обыкновенію Татаръ, тѣмъ болѣе, что теперешнее мое платье весьма износилось и имѣетъ нужду въ возобновленіи. Увы! бѣд-

ный Густавъ! для чего ты не прожилъ еще одного часу, чтобъ имѣть честь прежде смерти возить на себѣ кавалера!"

Онъ хотѣлъ ѣхать, но Монтрозъ остановилъ его, сказавши: „Сиръ Дюгальдъ! такъ какъ вѣроятно никто не предупредитъ васъ въ послѣднемъ доказательствѣ дружбы, какое вы намѣрены сдѣлать старому вашему товарищу: то я надѣюсь, что вы не откажетесь прежде помочь намъ отвѣдать, хороши ли съѣстные припасы и вина Аржиля, коихъ мы въ изобиліи нашли въ замкѣ."

—„Нѣтъ, безъ сомнѣнія, я отъ сего не откажусь," сказалъ Маіоръ, „потому

что Испанцы говорятъ, что ни обѣдня, ни хорошій полдникъ не могутъ помѣшать дѣламъ. Сверхъ того я не опасаюсь также, чтобъ нынѣшнею ночью напали на моего Густава волки или вороны, ибо они найдутъ теперь для себя полакомѣе его пищу. „Однако же, Милордъ,“ присовокупилъ онъ, „я не долженъ забывать о той почести, которою вы меня наградили. Сегодни за столомъ вашимъ я буду вѣроятно съ Сиръ Милесомъ Мусгравомъ и другими кавалерами; и потому прошу Ваше Превосходительство изъяснить имъ, будучи знаменнымъ кавалеромъ, т. е. будучи произведенъ въ сіе достоинство на

полѣ сраженія, я имѣю право сидѣть выше ихъ какъ теперь, такъ и впередъ."

—„Чортъ его возьми!" сказалъ Монтрозъ тихо Ментейту: „онъ подольетъ масла на огонь, когда я едва могъ оный погасить! — Сиръ Дюгальдъ!" сказалъ онъ, обращаясь къ Маіору: „вопросъ о предсѣдательствѣ есть такой пунктъ, который я долженъ оставить на благоразсмотрѣніе Его Величества. Въ моемъ лагерѣ всѣ мои Офицеры равны между собою, какъ рыцари круглаго стола; я желаю, чтобъ они сидѣли за столомъ моимъ какъ солдаты, и чтобъ высшее мѣсто занималъ тотъ, кто прежде пришелъ."

—„Въ шакомъ случаѣ,“ сказалъ Лордъ Ментеишъ шихо Моншрозу, „я постараюсь, чтобъ оно сего дня не досшалось Далжешшію. Сиръ Дюгальдъ,“ сказалъ онъ ему: „вы говорили сей часъ, что имѣеше нужду въ плашье; и шакъ для чего жъ не ѣдеше въ лагерь Аржиля? Тамъ завладѣли всѣми экипажами, и вы вѣрно найдеше шамъ чшо-нибудь шакое, что вамъ понравишся. Я сію минушу видѣлъ шамъ прекрасную пару плашья изъ замша, вышишаго серебромъ и шелкомъ.“

—„Voto à Dios! какъ говоряшъ Испанцы,“ вскричалъ Маіоръ: „какой-нибудь бездѣльникъ завладѣешъ имъ,

между шѣмъ какъ я здѣсь болшаю!“

Мысль о добычѣ, занявши шогда его воображеніе, изгнала изъ онаго воспоминаніе о Гусшавѣ, и заставила его позабышь даже и о завшракѣ, ему предложенномъ. Кольнувъ шпорами Награду, онъ во весь опоръ поскакалъ къ лагерю Аржиля.

—„Вошъ гончій песъ нашъ уѣхалъ,“ сказалъ Меншеишъ, „раздробляя косши и попирая ногами нещасшные осшашки многихъ храбрыхъ людей, кошорые гораздо были его досшойнѣе! Онъ сшолько же жаденъ къ подлой корысши, сколько хищный воронъ къ крови. И вошъ какихъ людей свѣшъ называешъ вои-

нами! А вы, Милордъ, — вы возвысили его въ степень кавалера! Это значитъ сдѣлать собачій ошейникъ изъ такого почтеннаго титла."

—„Чтожъ мнѣ было дѣлать? Мнѣ нечѣмъ другимъ заткнуть ему горло, а преслѣдовать непріятеля одинъ я не могу. При томъ же песъ, какъ вы его называете, весьма былъ для насъ полезенъ и имѣетъ добрыя качества."

—„Если онъ ихъ и имѣетъ отъ природы: то привычка соединила ихъ всѣ въ неограниченномъ самолюбіи. Онъ можетъ быть щекотливъ на щетъ своей чести, храбръ на сраженіи, точенъ въ исполненіи своихъ обязанностей; ибо знаетъ, что симъ

только однимъ и можетъ выслужиться. Онъ мужественно можетъ защищать своего товарища, до тѣхъ поръ, пока тотъ будетъ живъ; но лишь только сей послѣдній пораженъ будетъ смертельнымъ ударомъ: то онъ ограбитъ его съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ ѣдетъ теперь содрать кожу съ любезнаго своего Густава, чтобъ сдѣлать себѣ изъ нее платье.“

—„Ваша правда, любезный другъ мой! Но знаете ли вы, что гораздо легче предводительствовать солдатами, когда можете съ математическою точностію изчислить побудительныя причины, заставляющія ихъ дѣй-

ствовать? Ваше сердце способно къ такимъ чувствованіямъ, къ которымъ Маіоръ столько же не склоненъ, какъ его кирасъ, и другъ вашъ не позабудетъ сего, давши вамъ совѣтъ.“ Тутъ вдругъ, перемѣнивши разговоръ, онъ спросилъ его: давно ли онъ видѣлся съ Аннетою Лиль?

—„Вчера вечеромъ,“ отвѣчалъ молодой Графъ покраснѣвъ, и потомъ присовокупилъ запинаясь: „и сегодни утромъ на одну только минуту за полчаса до сраженія.“

—„Любезный Ментеитъ,“ сказалъ Монтрозъ дружески, „еслибъ вы были изъ числа нашихъ Витъ-Гальскихъ петиметровъ, которые въ нѣ-

которыхъ отношеніяхъ суть такіе же эгоисты, какъ другъ нашъ Даджетти: то я не только не мучилъ бы васъ вопросами о подобной интригѣ; но первый сталъ бы надъ тѣмъ смѣяться. Но мы находимся въ странѣ очарованій; дамы дѣлаютъ здѣсь изъ волосъ своихъ сѣти столь прочныя, какъ будто бы изъ стали, а ваше сердце какъ нарочно для того сотворено, чтобъ попадать въ оныя. Прелести и таланты сей молодой дѣвицы воспламенили романическое ваше воображеніе. Однако же подумайте объ этомъ хорошенько! — Я слишкомъ хорошаго объ васъ мнѣнія, чтобъ думать, будто вы хотите

обольстить ее, а жениться на ней вы не можете.“

—„Я почитаю слова ваши за шутку; но только вы слишкомъ часто ее повторяете. Вы знаете, Милордъ, что произхожденіе Аннеты Лиль не извѣстно; она всемъ обязана Макъ Олаямъ; думать надобно, что она дочь какого-нибудь бѣднаго Монтаньяра,—я сказывалъ вамъ, что она взята въ плѣнъ.“

—„Хотя вы и не были воспитаны въ школѣ Мареталя, любезный Ментеитъ; однако же знаете и любите читать классическихъ Авторовъ. Не помните ли вы сихъ стиховъ изъ Горація:

„Movit Ajacem Telamone natum
„Forma captivae, dominum Tecmesse?“

„Однимъ словомъ,“ присовокупилъ онъ съ важностію: „сердечная ваша склонность производитъ во мнѣ большое безпокойство. Однако же я менѣе сталъ бы заниматься симъ предметомъ, еслибъ только оный касался до васъ и до Аннеты; но въ Алланѣ Макъ Олаѣ имѣете вы опаснаго соперника; кто знаетъ, до чего можетъ довести его ревность? И потому я почелъ обязанностію представить вамъ, сколько не выгодно будетъ для Королевской стороны, если между имъ и вами произойдетъ какая-нибудь ссора.“

—„Я весьма увѣренъ, Милордъ," отвѣчалъ Ментеитъ, „что слова сіи внушены намъ дружествомъ; но надѣюсь, что безпокойства ваши разсѣятся, когда скажу вамъ, что о семъ предметѣ я имѣлъ особенный разговоръ съ Алланомъ. Онъ знаетъ во первыхъ, что я имѣю такой характеръ, который не дозволитъ мнѣ имѣть безчестные виды на добродѣтельную и беззащитную дѣвицу, а во вторыхъ неизвѣстное и вѣроятно низкое происхожденіе ея не дозволитъ мнѣ мечтать о томъ, чтобъ сдѣлать ее своею супругою. Однако же я не скрою отъ васъ, (чего не скрылъ также и отъ Аллана), что

еслибъ Аннета Лиль была равнаго со мною произхожденія: то бѣдность ея не моглабъ мнѣ возпрепятствовать предложить ей свою руку и раздѣлить съ нею свое богатство и званіе; но теперь я не могу о томъ и думать.—Надѣюсь, Милордъ, что вы будете довольны симъ изъясненіемъ, которое удовольствовало и не столь разсудительнаго, какъ вы, человѣка."

—„И такъ, подобно двумъ романическимъ героямъ," сказалъ Монтрозъ, пожимая плечами; „вы согласились съ Алланомъ обожать одну любовницу и не имѣть никакихъ болѣе требованій отъ нее?"

— „Я не сказалъ этого, Милордъ; а сказалъ только, что въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ Аннета теперь находится (притомъ же нѣтъ никакой надежды, чтобъ они могли когда-либо перемѣниться), я могу быть для нее, изъ уваженія къ своей фамиліи, только лишь другомъ и братомъ. Но извините меня, Милордъ," присовокупилъ онъ, показывая лѣвую руку свою перевязанную платкомъ: „я получилъ легкую рану, которую надобно перевязать."

— „Рану!" сказалъ Монтрозъ: „надѣюсь, что она не столько опасна, какъ та, которую я хотѣлъ излѣчить! Остерегайтесь, Ментеитъ,

и я также позналъ нѣкогда...
Но къ чему возбуждать горести, столь давно уже усыпленныя?“

Сказавъ сіе, онъ закрылъ лице рукою, и поклонясь дружески Ментеиту, возвратился въ замокъ.

Аннета Лиль, подобно всѣмъ Монтаньяркамъ, знала нѣсколько Медицину и даже Хирургію. Сіи два искусства не были тогда отдѣлены одно отъ другаго, и сокровище небольшихъ познаній въ Медицинѣ находилось въ рукахъ женщинъ и нѣкоторыхъ стариковъ, которые имѣли много случаевъ къ пріобрѣтенію опытности во время непрестанной междоусобной войны. Такимъ об-

разомъ попеченія Аннеты Лиль весьма были полезны въ сію кратковременную кампанію, и она оказывала помощь всѣмъ безъ различія, кто бы не имѣлъ въ томъ нужду, и друзьямъ и непріятелямъ. Она была тогда въ одной комнатѣ замка, приготовляя цѣлительныя лекарства для раненыхъ и дѣлая наставленія своимъ служанкамъ, которыя также, какъ и она, старались подавать помощь страждущему человѣчеству, какъ вдругъ Алланъ Макъ Олай предсталъ предъ нею. Аннета вздрогнула отъ нечаянности; ибо слышала, что онъ уѣхалъ изъ лагеря, чтобъ исполнить одно важное порученіе, съ

которымъ былъ посланъ въ отдаленное мѣсто. Привыкнувъ видѣть его всегда мрачнымъ и задумчивымъ, она замѣтила однако же, что лице его было гораздо печальнѣе обыкновеннаго. Алланъ остановился, сталъ противъ нее, и такъ какъ онъ не говорилъ ни слова, то Аннета первая принуждена была прервать молчаніе.

—„Я думала,“ сказала она, превозмогши себя, „что вы уже уѣхали.“

—„Спутникъ мой меня дожидается,“ отвѣчалъ Алланъ, „и я сей часъ ѣду.“

Однако же онъ остался въ томъ же положеніи, и взявши ее за руку, пожалъ оную не съ тѣмъ, чтобъ причи-

нить ей боль, но чтобъ показать, сколь сильно духъ его былъ возмущенъ.

—„Не прикажите ли взять арфу?" спросила она его съ робостію; „вѣрно вы чувствуете душевное безпокойство?"

Вмѣсто отвѣта, онъ подвелъ ее къ окну, изъ коего видно было поле сраженія и всѣ его ужасы. Долина покрыта была мертвыми и умирающими, коихъ жадные и свирѣпые люди грабили съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто бы сіи нещастныя творенія и не принадлежали къ числу людей, и какъ будто бы тѣ, которые поступали съ ними съ симъ скотскимъ корыстолюбіемъ,

не были также подвержены, можетъ быть завтра же, тому же жребію.

—„Нравится ли тебѣ это зрѣлище?" спросилъ ее Алланъ.

—„Оно ужасно!" сказала Аннета, закрывъ себѣ глаза обѣими руками: „какъ вы можете это мнѣ показывать?"

—„Надобно привыкать къ этому, если ты останешься въ лагерѣ. На такомъ же полѣ сраженія ты должна будешь искать тѣла моего брата, собственное и мое... Но послѣдняя обязанность для тебя легка будетъ...ты меня не любишь!"

—„Еще въ первый разъ вы говорите со мною такъ жестоко," сказала Аннета за-

плакавъ: „вы мой братъ! мой избавитель, — благодѣтель! Какъ можно мнѣ не любить васъ?—Но я вижу духъ вашъ возмущенъ: позвольте мнѣ пойти за арфой?“

—„Останься!“ сказалъ Алланъ, не выпуская руки ея. „Кѣмъ бы не были внушены мнѣ мои видѣнія, небомъ ли, адомъ ли; пусть они происходятъ изъ средней сферы душъ, лишенныхъ тѣла, или пусть даже, какъ думаютъ Саксоны, это только мечты воспаленнаго воображенія; но въ сію минуту онѣ не имѣютъ никакого на меня вліянія: —я говорю тебѣ языкомъ видимаго свѣта, — языкомъ природы! — Ты не

любишь меня Аннета,— любишь Ментеита, и сама имъ любима, а къ Аллаіу — ты столь ко же равнодушна, какъ къ симъ трупамъ, находящимся передъ твоими глазами."

Не льзя предполагать, чтобъ странная рѣчь сія открыла что-нибудь новое той особѣ, къ которой она относилась; ибо нѣтъ ни одной женщины, которая, будучи въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Аннета, не проникла бы давно уже страсти, коей была предметомъ. Но впрочемъ сколь ни прозрачна была завѣса, оную покрывавшая, только Алланъ вдругъ ее разорвалъ и заставилъ Аннету

опасаться, чтобъ не вышло изъ того послѣдствій столь же ужасныхъ, сколько былъ жестокъ его характеръ. Почему она старалась опровергнуть сіе обвиненіе.

—„Вы забыли, чѣмъ обязаны сами себѣ," сказала она ему, „говоря такимъ образомъ нещастной дѣвушкѣ, которую судьба совершенно подвергла вашей власти. Вы знаете, кто я; и такъ какъ же мнѣ можно думать, что вы, или Ментеитъ имѣли ко мнѣ другія какія чувства, кромѣ чувствъ дружбы? Вы знаете, отъ какого нещастнаго племени я вѣроятно родилась."

—„Этого быть не можетъ," отвѣчалъ Алланъ съ

пылкостью: „никогда кристальная капля не исходила изъ нечистаго источника!"

—„Но и одного сомнѣнія въ томъ довольно, чтобъ вы не говорили со мною такимъ образомъ."

—„Я знаю, что это полагаетъ преграду между нами; но знаю также, что въ разсужденіи Ментеита преграда сія ничего не значитъ. Послушай меня, милая Аннета, оставь сіе зрѣлище ужасовъ и опасностей; слѣдуй за мною въ Кинлель, я поручу тебя благородной Ледм Сексфортъ, или провожу въ безопасности въ Икольмкиль, гдѣ достойныя женщины посвящаютъ себя еще на слу-

женіе Богу, по обычаю нашихъ предковъ."

—„Вы не думаете о томъ, что предлагаете, Алланъ. Если я поѣду съ вами одна: то это значитъ не подорожу добрымъ своимъ именемъ, которое всякая дѣвушка должна беречь.

—„Я останусь здѣсь подъ покровительствомъ благороднаго Монтроза; когда же армія его приближается къ Нижнимъ землямъ; то я поищу тогда средства избавить васъ отъ своего присутствія, которое, Алланъ, не знаю, по какой причинѣ, кажется сдѣлалось для васъ несносымъ,"

Алланъ остался неподвиженъ и, казалось, не зналъ,

сожалѣть ли ему о горести, которая замѣтна была на лицѣ ея, или предаться гнѣву, который внушало ему ея сопротивленіе.

—„Аннета,“ сказалъ онъ ей наконецъ, „ты сама знаешь, что слова твои не соотвѣтствуютъ моимъ къ тебѣ чувствамъ; но ты пользуешься своею надо мной властію,—ты радуешься моему отъѣзду, потому что ты свободнѣе тогда можешь предаваться склонности твоей къ Ментеиту.—Но остерегись! остерегайтесь оба, и знайте, что Аллавъ Макъ Олай никогда не перенесъ ни одной обиды, не отмстивши за нее въ десятеро!“

Сказавъ сiе, онъ крѣпко пожалъ ей руку, надвинулъ на глаза картузъ свой и вышелъ поспѣшно изъ комнаты.

ГЛАВА XXII.

„Après votre départ, j'interrogeai
mon coeur;
„J'ouvris enfin les yeux, j'appris
à me connoitre.
„L'amour, à mon insu, s'en étoit
rendu maitre,
„Mais un amour si put, qu'il bor-
noit tous ses voeux
„A voir le seul objet qui peut le
rendre heureux."
Philaster.

Аннета Лиль увидѣла тогда ужасную бездну, открывшуюся предъ нею отъ любви и ревности Аллана Макъ Олая, который весьма ясно обнаружилъ сіи два

чувства. Ей казалось, что она стоитъ на краю пропасти, не имѣя никакой надежды ни на спасеніе, ни на помощь человѣческую. Съ давняго уже времени сердце сказало ей, что она любила Ментейта не такъ какъ брата: но, что могло быть натуральнѣе сего чувства?... Не его ли неотступныя прозьбы обезоружили нѣкогда руку Аллана, противъ нее подъятую? — И сверхъ того часто, видая его съ самаго дѣтства, Аннета не могла не замѣтить личныхъ его достоинствъ, особеннаго къ себѣ вниманія и любезнаго его характера, дѣлавшаго его совершенно другимъ существомъ въ срав-

ненія съ полудикими воина-ми, съ которыми она жила. Но любовь Аннеты была кроткая, застѣнчивая и разсудительная:—она заставляла ее болѣе желать благополучія человѣку, ею любимому, нежели имѣть смѣлыя и безразсудныя надежды.

Бѣшеный видъ и голосъ, которымъ Алланъ произнесъ послѣднія слова, разрушилъ романическій планъ Аннеты, которая хотѣла питать тайную и меланхолическую склонность, не стараясь снискать взаимнаго соотвѣтствованія. Давно уже она страшилась сего гордаго Монтавьяра, будучи благодарна ему за то, что для нее онъ укрощалъ жестокій

и необузданный свой характеръ; но теперь помышляла объ немъ съ ужасомъ и имѣла весьма основательныя на то причины, зная мстительныя и непримиримыя его расклонности, еще болѣе раздраженныя жестокою болѣзнію, коей онъ былъ подверженъ. Будучи способенъ къ возвышенности чувствъ и великодушію, никогда однако же Алланъ не былъ въ состояніи преодолѣвать пылкости страстей своихъ. Въ домѣ и отечествѣ своихъ предковъ онъ подобенъ былъ укрощенному льву, которому никто не смѣлъ противорѣчить, опасаясь возбудить чрезъ то природное его звѣрство. Много уже

лѣтъ прошло съ того времени, какъ никто не смѣлъ ни упрекать его, ни ему прекословить, и если Алланъ не сдѣлался бичемъ и ужасомъ всѣхъ окрестныхъ жителей: то сіе должно было приписать силѣ его разсудка, коего существенная слабость состояла въ томъ, что Алланъ твердо увѣренъ былъ въ существованіи дара предвидѣнія. Но Аннета не имѣла времени предаться симъ размышленіямъ, ибо Сиръ Дюгальдъ Далжетти приходомъ своимъ прервалъ оныя.

Читатель легко можетъ представить себѣ, что образъ жизни, веденной Маіоромъ до сего времени, не сдѣлалъ его способнымъ бли-

стать въ обществѣ дамъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ чувствовалъ, какъ бы по инстинкту, что разговоры, употребительные въ караульнѣ, казармахъ или при разводѣ, не могли забавлять ихъ. Единственное время жизни, проведенное имъ въ спокойствіи, было то, когда онъ учился въ школѣ Марешаля, въ Аберденѣ; но Маіоръ позабылъ почти всѣ познанія, имъ тамъ пріобрѣтенныя, кромѣ двухъ искуствъ: — умѣть въ необходимомъ случаѣ починивать чулки свои, и съ необыкновеннымъ проворствомъ ѣсть весьма много, которыя помнилъ потому, что весьма часто въ нихъ упражнялся.

Воспоминая однако же то, что училъ онъ, находилъ въ немъ предметы для разговора, когда находился въ сообществѣ женщинъ—и когда изъ военнаго человѣка онъ сдѣлался педантомъ.

—„Миссъ Аннета Лиль,“ сказалъ онъ ей вошедши, „я теперь весьма похожу на дротикъ или на еспантонъ Ахиллеса, который, нанесши рану, имѣлъ даръ излѣчить оную: сего качества не имѣютъ ни Испанскія копья, ни бердыши, ни алебарды, ни сѣкиры, ни даже всѣ оружія новѣйшихъ временъ.“

Такъ какъ Аннета не могла понять сего: то онъ въ другой разъ повторилъ свое

привѣтствіе; когда же она опять не поняла: то онъ принужденъ былъ изъяснишься.

—„Я хочу сказать, Миссъ Аннета Лиль, что будучи причиною того, что одинъ почтенный рыцарь получилъ сегодни опасную рану; ибо во время сраженія, нарушивъ законы войны, онъ убилъ пистолетнымъ выстрѣломъ лошадь мою, которую я называлъ именемъ безсмертнаго Короля Швеціи,—я желаю доставить ему помощь, которую вы можете оказать ему, будучи подобно богу Эскулапу (вѣроятно онъ хотѣлъ сказать Апполону) одарены не только талантомъ музыки, но даже и

благородѣйшимъ искуствомъ изцѣлять раны: Opiferque per orbem dicor!“

—„Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, объясните мнѣ, что вы хотите сказать?“ сказала ему Аннета, коей сердце, исполненное безпокойствомъ и горестію, не позволяло забавляться педантскою учтивостію достопочтеннаго Маіора.

—„Это не такъ легко сдѣлать,“ отвѣчалъ Далжетти; „ибо—сказать правду — я не привыкъ составлять фразы, однако же попробую. Dicor, значитъ Ego, то есть, я названъ. Opifer!... Opifer?... Я помню, что значитъ

furcifer и signifer; но opifer... А! такъ точно, это слово значитъ Докторъ Медицины. Per orbem..."

— „Мы всѣ сегодни такъ заняты," сказала Аннета, „и потому я прошу васъ сказать мнѣ просто: чего вы отъ меня хотите?"

—„Я хочу, чтобъ вы пошли къ раненому рыцарю и помогли какими-нибудь средствами его ранѣ, которая угрожаетъ, какъ говорятъ ученые, damnum fatale."

Аннета никогда не медлила ни минуты, когда должно было помогать страждущему человѣчеству. Поспѣшно спросила о состояніи раны, и усугубила поспѣшность,

когда узнала, что раненый былъ тотъ самый старецъ, котораго она видѣла въ Дарнлинварахѣ, и котораго благородный видъ поразилъ ее. Аннета позабыла даже на время собственныя свои огорченія, чтобъ подать ему скорѣйшую помощь.

Сиръ Дюгальдъ Далжетти проводилъ Аннету въ комнату больнаго со всевозможнымъ церемоніаломъ, который почиталъ приличнымъ. Она нѣсколько удивилась, нашедши тамъ Лорда Ментеита и весьма покраснѣла, увидя его. А чтобъ скрыть свое смущеніе, она тотчасъ стала разсматривать рану Сиръ Дункана и, къ сожалѣнію, узнала, что оная не пода-

вала надежды, чтобъ онъ могъ выздоровѣть.

Между тѣмъ, какъ она занималась, исполняя долгъ человѣколюбія, Далжетти возвратился въ житницу, гдѣ лежалъ старый Ранальдъ вмѣстѣ съ многими другими ранеными.

— „Я сказалъ уже тебѣ, старый другъ мой," сказалъ ему Маіоръ, „что такъ какъ ты получилъ рану въ то время, какъ находился подъ моимъ охраненіемъ: то я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобъ только услужить тебѣ; и потому исполнивъ неотступную твою прозьсу, я проводилъ Миссъ Аннету Лиль къ рыцарю Арденвору, съ тѣмъ, чтобъ она

перевязала его рану; хотя право не понимаю, какое ты тутъ берешь участіе. Помнится—ты говорилъ когда-то—будто бы они другъ другу доводятся роднею; но у солдата голова всегда занята дѣлами гораздо важнѣйшими, нежели всѣ родословныя горныхъ вашихъ начальниковъ.“

И въ самомъ дѣлѣ мы отдадимъ должную справедливость достопочтенному Маіору, который не только никогда не безпокоился и не освѣдомлялся, но даже и не помнилъ о дѣлахъ постороннихъ; однако же—если оныя относились къ военному искусству, или къ личной его выгодѣ: то въ сихъ двухъ

случаяхъ онъ имѣлъ необычайно острую память.

— „Теперь, добрый мой другъ нощи, скажи мнѣ, что сталося съ любезнымъ моимъ сыномъ, котораго я не видалъ съ самаго того времени, какъ онъ помогъ мнѣ снять съ себя оружіе послѣ сраженія: знаешь ли, что за такое пренебреженіе должности онъ заслуживаетъ пытку?“

—„Онъ не далеко отсюда,“ отвѣчалъ раненый разбойникъ; „но не троньте его, ибо этотъ мальчикъ въ состояніи заплатить вамъ за три удара бичемъ однимъ ударомъ кинжала.“

—„Такія угрозы, Ранальдъ, весьма неприличны; но я не

обращу на это никакого вниманія, потому что ты оказалъ важныя услуги.“

—„Если вы хотите доказать мнѣ свою признательность: то исполните одну прозьбу, которую я до васъ имѣю.“

—„Другъ Ранальдъ!“ отвѣчалъ Далжетти: „я читалъ— не помню—въ какихъ-то книгахъ повѣсти о безразсудныхъ обѣщаніяхъ, которыя послѣ привели въ совершенное замѣшательство тѣхъ глупыхъ рыцарей, которые ихъ сдѣлали. И для того я поставилъ себѣ закономъ— никогда ничего не обѣщать, не зная точно, въ чемъ состоитъ дѣло, чтобъ не быть обязану сдѣлать что-нибудь

такое, что противно собственной моей пользѣ. Ты можетъ быть желаешь, чтобъ я позвалъ сюда нашего женскаго рода доктора осмотрѣть твои раны? — Но въ этомъ, Ранальдъ, нахожу то затрудненіе, что мѣсто, въ которомъ ты теперь лежишь, весьма нечисто, а ты вѣроятно замѣтилъ, что женщины весьма любятъ одѣваться опрятно. Я самъ лишился однажды благосклонности супруги главнаго Правителя Амстердама единственно за то, что вытеръ подошвы сапогъ своихъ шлейфомъ чернаго бархатнаго ея платья, который былъ длиною на десять или на двѣнадцать футовъ—и потому

я почелъ оный ковромъ, объ которой обтираютъ ноги."

—„Я не требую того, чтобъ вы привели сюда Аннету Лиль," сказалъ Ранальдъ, „а прошу только приказать перенести меня въ то мѣсто, гдѣ она находится теперь съ Лердомъ Арденворомъ. Я долженъ открыть имъ тайну, которая весьма важна для нихъ обоихъ."

—„Хотя и не слишкомъ пристойно," сказалъ Далжетти, „вести раненаго разбойника въ присутствіе рыцаря; ибо званіе рыцаря всегда было, да и теперь еще весьма отлично, будучи самою высокою степенью почести, какой только воинъ

можетъ достигнуть; но такъ какъ въ этомъ только состоитъ твоя прозьба, то я въ ней не откажу тебѣ."

Онъ тогда же приказалъ четыремъ солдатамъ перенести Макъ Яга въ комнату, гдѣ былъ Сиръ Дунканъ Кампбель, а самъ пошелъ напередъ увѣдомить сего послѣдняго о причинѣ, для которой Ранальдъ желалъ съ нимъ видѣться. Но солдаты такъ поспѣшно исполнили его приказаніе, что пришли туда въ одно съ нимъ время и тотчасъ положили раненаго на полъ посреди комнаты. Черты лица Макъ Яга, отъ природы некрасивыя, еще болѣе были обезображены страданіями, имъ

претерпѣваемыми; руки его и платье обагрены были собственною его кровію и кровію другихъ людей; ибо никто не подумалъ истребить слѣды оной, хотя и перевязали его рану.

—„Вы ли," сказалъ онъ, съ трудомъ приподнявъ голову и обращаясь къ постели, на которой лежалъ старинный его непріятель: „вы ли Лердъ Арденворъ?"

—„Я," отвѣчалъ Сиръ Дунканъ: „чего хочешь ты отъ человѣка, которому осталось прожить только нѣсколько часовъ?"

—„А мнѣ только нѣсколь- минутъ," отвѣчалъ Ранальдъ, „и вы тѣмъ болѣе должны быть мнѣ за то благодарны,

что я употреблю ихъ для оказанія услуги человѣку, коего рука всегда была поднята противъ меня; но который однако же еще сильнѣе испыталъ тяжесть руки моей."

—„Я испыталъ тяжесть руки твоей, подлый червь!" сказалъ Сиръ Дунканъ, бросивъ на него презрительный взглядъ.

— „Такъ, рука моя была сильнѣе; она нанесла тебѣ глубочайшія язвы, хотя тѣ, которыя я получилъ отъ тебя, также не легки. — Я Ранальдъ Макъ Ягъ, начальникъ сыновъ нощи. Помнишь ли ты тотъ день, въ который замокъ твой сдѣлался добычею пламени,—въ кото-

рый дѣти твои были умерщвлены? Но подумай также и о тѣхъ нещастіяхъ, какія причинилъ ты нашему племени. Никто такъ насъ не преслѣдовалъ, какъ ты — и еще одинъ человѣкъ, котораго судьба, какъ говорятъ, хранитъ отъ нашего мщенія; — но мы это чрезъ нѣсколько дней узнаемъ."

— „Лордъ Ментеитъ," вскричалъ Сиръ Дунканъ, приподнявшись на постели, „этотъ человѣкъ есть разбойникъ, врагъ и Короля и Парламента, и Бога и людей; убійца, заслужившій тысячу смертей; бичь моей фамиліи, фамиліи Макъ Олаевъ—и даже вашей. Надѣюсь, что вы не потерпите, чтобъ

послѣднія мои минуты отравлены были варварскимъ торжествомъ сего дьявола въ человѣческомъ образѣ."

—„Съ нимъ поступлено будетъ по заслугамъ," сказалъ Лордъ Ментеитъ: „сей часъ вынесите его вонъ отсюда."

—„Постойте," вскричалъ Даллжетти, „постойте на минуту! Не должно забывать услугъ, оказанныхъ имъ нашей арміи въ качествѣ путеводителя; да сверхъ того онъ находится здѣсь подъ моею защитою!"

Ранальдъ говорилъ въ одно съ нимъ время — и громкій голосъ его заглушалъ голосъ Маіора. — „Нѣтъ, нѣтъ," сказалъ онъ, „пусть

они удовольствуются; пусть приготовляють петлю и висѣлицу; пусть трупъ мой служить пищею вранамъ и коршунамъ Бенъ-Невиса; но симъ средствомъ ни этотъ гордый Лердъ, ни сей надменный Графъ никогда не узнаютъ тайны, которую я одинъ только могу открыть имъ; тайны, — которая заставитъ биться отъ радости сердце Арденвора, хотя бы онъ былъ даже въ объятіяхъ смерти, наконецъ —тайны, за которую Лордъ Ментеитъ отдалъ бы все свое богатство.—Приближься, Аннета Лиль," сказалъ онъ приподнявшись и сѣвши на полу, съ такою силою, которой уже не льзя было

предполагать въ немъ: „не страшись вида того человѣка, который имѣлъ попеченіе о твоемъ дѣтствѣ. Скажи людямъ, которые презирали тебя, думая, что ты произходишь отъ древняго рода моего, что ни единая капля нашей крови не течетъ въ твоихъ жилахъ; что ты ни одному изъ сыновъ ихъ не одолжена жизнію; что ты родилась въ жилищѣ знатныхъ, и что колыбель твоя окружена была всѣми признаками роскоши, богатства и власти.“

—„Ради Бога,“ вскричалъ Меншейтъ, трепеща отъ внутренняго чувства, „если ты знаешь что-нибудь о произхожденіи сей молодой

дѣвицы: то поспѣши сказать вамъ? Примирись чрезъ сіе съ свою совѣстію, и...“

—„И благослови враговъ твоихъ при послѣднемъ своемъ издыханіи; „не это ли хочешь сказать мнѣ?“ прервалъ Ранальдъ, устремивъ на него глаза свои, въ коихъ блистала злобная радость. „Таковы правила, преподаваемыя вашими священниками;—но сообразуете ли вы когда-нибудь съ оными ваши поступки?... Прежде, нежели открою вамъ тайну, —хочу знать, чѣмъ вы мнѣ за нее заплатите? Лердъ Арденворъ! что вы дадите мнѣ, если я докажу вамъ, что существуетъ еще одна отрасль вашей фамиліи? Я

ожидаю вашего отвѣта, а безъ сего вы не услышите отъ меня болѣе ни одного слова."

—„Я могъ бы..." сказалъ Сиръ Дунканъ, волнуемый постепенно сомнѣніемъ, надеждою, безпокойствомъ и ненавистью: могъ бы..., но нѣтъ, знаю твое племя: оно составлено только изъ убійцъ и обманщиковъ. Однакожь, если ты теперь скажешь истину: то думаю, что я въ состояніи простить тебѣ всѣ бѣдствія, тобою мнѣ причиненныя."

—„Слышите ли!" сказалъ Ранальдъ: „это много сказано для сына Діармидова!... А вы, Графъ, слухъ носится въ лагерѣ, что вы въ состо-

яніи бъ были пожертвоватъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, лишь бы только увѣришься, что Аннета Лиль не происходитъ отъ поколѣнія изгнанниковъ, и что происхожденіе ея столько же благородно, какъ ваше? Если я открою вамъ сіе: то не по привязанности къ вамъ;—было время когда цѣною сей тайны я хотѣлъ искупить свою свободу; но теперь отдаю ее за то, что для для меня въ тысячу разъ дороже свободы и жизни! — И такъ знайте, что Аннета Лиль—есть младшая дочь Лерда Арденвора: она одна только была пощажена въ то время, какъ все предано было огню и мечу въ его замкѣ."

—„Правду ли онъ говоритъ?“ вскричала Аннета: „хорошо ли я слышала? не сонъ ли это?“

—„Юная дѣвица,“ сказалъ Ранальдъ, „еслибъ ты подолѣе пожила съ нами: то научилась бы лучше познавать голосъ истины. Но я дамъ Лерду Арденвору и сему Графу Саксону доказательства, могущія убѣдить даже самое невѣріе.—А ты,—удались теперь; я возлюбилъ тебя, когда ты была еще дитятею, и не могу ненавидѣть твоей юности. Взоръ не отвращается отъ розы, хотя она растетъ и на терніяхъ. За тебя только сожалѣю я нѣсколько о томъ, что вскорѣ случится. Но тотъ, кто

хочетъ вкусить удовольствіе мщенія,—кто хочетъ истребить врага своего:—тотъ не долженъ безпокоиться, если и невинный будетъ погребенъ подъ развалинами!"

— „Онъ правъ, Аннета," вскричалъ Лордъ Ментеитъ, „ради Бога удалитесь. Мы тотчасъ увидимъ, можно ли вѣрить свидѣтельству этого человѣка."

—„Если я нашла отца своего," вскричала Анетта: „то не разстанусь съ нимъ. Какъ могу оставить его, когда онъ въ такомъ положеніи?"

—„Кто бы ты ни была, дитя мое," сказалъ Сиръ Дунканъ, протянувъ ей руку: „ты всегда найдешь во мнѣ отца!"

—„Въ такомъ случаѣ," сказалъ Ментеитъ, „я прикажу перенести Макъ Яга въ другую комнату, гдѣ самъ буду слушать его объявленіе. Сиръ Дюгальдъ Далжетти вѣрно также не откажется быть свидѣтелемъ."

—„Съ удовольствіемъ, Милордъ. Я буду его духовникомъ, а вашимъ адвокатомъ, тѣмъ или другимъ, или обоими вмѣстѣ, какъ вамъ будетъ угодно. Никто не можетъ быть способнѣе меня къ этой должности; ибо я уже слышалъ исторію сію въ замкѣ Инверрари, мѣсяцъ тому назадъ. Но взятія такихъ замковъ, каковъ Арденворъ, смѣшиваются въ моей

памяти, которая занята гораздо важнѣйшими дѣлами.“

Слыша сіе откровенное изъясненіе, сдѣланное Далжетшіемъ при выходѣ изъ комнаты, Графъ бросилъ на него гнѣвный и презритель-ный взоръ, на который достопочтенный Маіоръ, увѣренный въ личномъ своемъ достоинствѣ, не обратилъ никакого вниманія.

ГЛАВА XXIII.

„Je suis libre, je suis ce qu'etoient nos aieux;
„Habitant des forêts quand le noble sauvage
„Ne portoit pas encore le joug de l'esclavage."

Conquête du Royaume de Grenade.

Лордъ Ментеитъ, взявши на себя обязанность допросить Ранальда относительно исторіи, имъ разсказанной, заставилъ его повторить оную себѣ со всѣми подробностями. А потомъ, призвавъ другихъ двухъ сыновъ нощи, служившихъ вмѣстѣ

съ начальникомъ ихъ въ качествѣ провожатыхъ, онъ заставилъ ихъ подтвердить свидѣтельствомъ всѣ объявленія Макъ Яга. Ментеитъ сравнилъ повѣствованіе ихъ со всѣми обстоятельствами сожженія замка Сиръ Дункана и умерщвленія дѣтей его, которыя сей послѣдній весьма твердо помнилъ, — и нашелъ все совершенно согласнымъ. Весьма нужно было удостовѣриться въ томъ, что признаніе сего разбойника не было ложь, выдуманная имъ для того, чтобъ обогатить дитя какого-нибудь бѣдняка его поколѣнія всѣми богатствами и владѣніями фамиліи Арденвора.

Можетъ быть скажутъ,

что Ментеитъ, будучи весьма разположенъ повѣрить объявленіямъ Ранальда, не могъ быть столь безпристрастнымъ судьею, которому бы должно было довѣрить изслѣдованіе сего дѣла. Но другіе двое сыновъ нощи, допрошенные порознь, изъяснили такъ просто, и такъ были согласны въ рѣчахъ какъ между собою, такъ и съ начальникомъ ихъ, что люди самые предубѣжденные не могли бы сохранить тутъ и тѣни сомнѣнія. Сверхъ того природа напечатлѣла на лѣвомъ плечѣ Аннеты Лиль знакъ, о коемъ вспомнили, что оный находился у дочери Сиръ Дункана. Наконецъ вспомнили также, что

послѣ сожженія замка нашли тѣла прочихъ дѣтей; но тщетно искали тогда остатковъ четвертаго. Всѣ сіи обстоятельсшва, а также и другія, которыя безполезно будетъ здѣсь описывать, убѣдили не только Сиръ Дункана и Ментеита, но даже самаго Графа Монтроза, бывшаго совершенно постороннимъ въ этомъ дѣлѣ, — что Аннета Лиль, воспитанная изъ человѣколюбія въ фамиліи Макъ Олаевъ и необладавшая ничѣмъ, кромѣ природныхъ прелестей своихъ и талантовъ, — есть дочь Сиръ Дункана Кампбеля и наслѣдница всего его имѣнія.

Между тѣмъ, какъ Ментеитъ пошелъ сообщить

Сиръ Дункану и его дочери всѣ собранныя имъ свѣденія, старый разбойникъ изъявилъ желаніе говоришь съ сыномъ своимъ.

—„Вы найдеше его,“ сказалъ онъ, „въ углу житницы, гдѣ я лежалъ сначала.“

И въ самомъ дѣлѣ нашли шамъ молодаго дикаго, зарывшагося въ углу въ кучѣ соломы; его привели къ ошцу и осшавили ихъ вмѣсшѣ.

—„Кеннешъ!“ сказалъ ему Макъ Ягъ: „внимай послѣднимъ словамъ ошца швоего! Солдашъ Саксонъ и Алланъ съ окровавленною рукою вышли изъ лагеря нѣсколько часовъ шому назадъ, и ошправились въ Каберфакъ; — преслѣдуй ихъ, какъ гончая

собака преслѣдуетъ козу на горахъ нашихъ; переплывай озера,—ручьи, перелѣзай утесы, проходи лѣса и не останавливайся до тѣхъ поръ, пока ихъ не догонишь.“

Видъ молодаго человѣка становился мрачнѣе и свирѣпѣе, по мѣрѣ того, какъ отецъ его говорилъ: онъ бросилъ на него выразительный взглядъ и положилъ руку на кинжалъ, заткнутый за кожанымъ поясомъ, на коемъ висѣлъ разодранный въ лоскутьяхъ плащь его.

—„Нѣтъ,“ сказалъ старикъ, „не отъ твоей руки долженъ онъ погибнуть. — Онъ спроситъ тебя: нѣтъ ли чего новаго въ лагерѣ? — Скажи ему, что уже открыто,

что Аннета Лиль дочь Сиръ Дункана Арденвора; что Графъ Ментеитъ хочетъ обвѣнчаться съ нею передъ лицемъ священника, и что ты идешь приглашать на брачное торжество друзей ихъ. Не дожидайся его отвѣта; но изчезни съ быстротою молніи, изшедшей изъ мрачной тучи. Ступай теперь же, милое дитя;—чтожъ до меня касается, то я не увижу болѣе лица твоего и не услышу уже шума легкаго твоего бѣга!—Однако же побудь еще минуту и внимай послѣднимъ желаніямъ отца твоего. Помни объ участи нашего племени и будь всегда настоящимъ сыномъ нощи. Мы теперь ничто иное,

кая разсѣянная горсть людей; мы изгнаны изъ всѣхъ долинъ племенами, завладѣвшими пригорками, гдѣ предки ихъ рубили дрова и носили воду для нашихъ предковъ."

„Но и посреди пустынь — на вершинахъ скалъ безплодныхъ, Кеннетъ, не дѣлай ничего такого, что могло бы осквернить свободу, которую я оставляю тебѣ въ наслѣдство. Не перемѣняй ее ни на пышныя одежды, ни на позлащенные чертоги, ни на сытную пищу. — На горахъ и въ долинахъ въ изобиліи и въ нищетѣ, посреди лѣтней зелени или зимнихъ льдовъ,—сынъ нощи! пребудь свободнымъ подобно твоимъ

предкамъ!—Не признавай надъ собою господина, не принимай ни отъ кого законовъ, не служи никому за деньги. Не созидай дома; не обрабатывай земли;—пусть горныя козы служатъ тебѣ стадами. Когда же въ нихъ будешь терпѣть недостатокъ: то у гонителей нашихъ отнимай все, въ чемъ возымѣешь нужду;—грабь Саксоновъ и сихъ Монтаньяровъ, которые, будучи Саксонами, во глубинѣ сердца цѣнятъ быковъ и барановъ своихъ дороже чести и свободы. Но не станемъ сожалѣть объ нихъ, потому что тѣмъ болѣе имѣемъ средствъ къ мщенію. Не забудь тѣхъ людей, которые показали себя

друзьями нашему поколѣнію, и плати за услуги ихъ, если случай представится, всею твоею кровію. Если Макъ Ланъ придетъ къ тебѣ съ окровавленною головою Королевскаго сына въ рукахъ: то дай ему убѣжище, будь ему покровителемъ и сражайся за него, хотя бы цѣлое войско его преслѣдовало: это племя было съ давнихъ временъ другомъ нашего племени. — Чтожъ касается до сыновъ Діармида, до поколѣнія Дарнлинвараха и до всего, носящаго имя Ментеита: то проклятіе мое да падетъ на главу твою, если пощадишь изъ нихъ хотя единаго, когда придетъ время напасть на нихъ, а оно наступитъ

скоро; ибо они станутъ сражаться одни противъ другихъ, станутъ взаимно терзать другъ друга: они обратятся въ бѣгство во время нощи и падутъ тогда подъ ударами сыновъ ея. Ступай сію жъ минуту, отрясай прахъ ногъ твоихъ на порогѣ жилищь людей, въ войнѣ ли они будутъ находиться или въ мирѣ. Прости, милое дитя; да возможешь ты умереть подобно твоимъ предкамъ, прежде нежели слабости, болѣзни и старость лишатъ тебя тѣлесной силы и крѣпости душевной. Ступай! бѣги! но храни свободу свою и не забывай ни услуги, ни оскорбленія.“

Молодой дикарь наклонил-

ся къ отцу своему и поцѣловалъ его въ лобъ, обѣщаясь во всемъ ему повиноваться; но привыкши съ издѣтства скрывать всякое наружное чувство, его смущавшее, онъ разстался съ нимъ не проливъ ни одной слезы, и скоро былъ уже далеко отъ лагеря Монтроза.

Сиръ Дюгальдъ Далжетти вошелъ во время послѣднихъ наставленій Макъ Яга сыну своему и весьма не доволенъ былъ поступкомъ его въ этомъ случаѣ.

—„Другъ Ранальдъ," сказалъ онъ ему, „мнѣ кажется, что, умирая, ты находиться не на добромъ пути. Сожигать предмѣстья, грабить города, умерщвлять

гарнизоны,—есть должность солдата,—онъ оправдывается необходимостію поступать такимъ образомъ, потому что только на этомъ условіи и получаетъ свое жалованье. Изъ сего ясно видно, что званіе его покровительствуется небомъ, потому что онъ ежедневно можетъ дѣлать наглые поступки, не теряя надежды на спасеніе. Но ни въ какой службѣ, Ранальдъ, ни у одного Европейскаго Государя, умирающій солдатъ не хвастается подобными дѣлами, и не совѣтуетъ товарищамъ своимъ поступать такимъ образомъ. Напротивъ онъ показываетъ нѣкоторое прискорбіе, что принужденъ

былъ такъ поступать, и читаетъ, или проситъ прочесть возлѣ себя какую-нибудь усердную молитву. Если ты хочешь, то я попрошу о томъ духовника Его Прев. Хотя это и не составляетъ моей должности; но совѣсть твоя облегчится, если ты оставишь свѣтъ сей какъ должно христіанину, а не такъ какъ Турокъ, что, кажется мнѣ, ты въ состояніи сдѣлать?"

Вмѣсто отвѣта на сіе поученіе умирающій (ибо Ранальда можно было почесть тогда при послѣднемъ издыханіи) просилъ приподнять ему голову, такъ чтобъ онъ могъ видѣть въ окно, изъ коего примѣтна была доли-

на, — густой туманъ, который, съ нѣкотораго времени надъ горами, началъ тогда спускаться и открывалъ взору крутыя вершины оныхъ, казавшіяся островами, возвышавшимися на океанѣ паровъ.

—„Духъ нощи!“ сказалъ Макъ Ягъ, „ты, котораго родъ мой называешъ отцемъ и покровителемъ, прими во святилище облаковъ твоихъ, когда пройдетъ сія минута страданія, человѣка, которому ты столь часто покровительствовалъ въ продолженіи его жизни!“ Говоря сіе, онъ упалъ на руки людей, его поддерживавшихъ, и потомъ, обратясь лицемъ къ стѣнѣ, умолкъ.

—„Я думаю,“ сказалъ Далжетти, „что другъ мой Ранальдъ во глубинѣ сердца своего не лучше язычника.“ Онъ возобновилъ ему свое предложеніе позвать къ нему Доктора Вичарта, Капеллана Монтроза.—„Этотъ человѣкъ совершенно знаетъ свою должность,“ сказалъ онъ, „и отпуститъ тебѣ грѣхи въ столь короткое время, сколько потребно онаго, чтобъ выкурить трубку табаку.“

—„Саксонъ,“ отвѣчалъ умирающій, „не говори мнѣ болѣе о твоемъ священникѣ: я умираю доволенъ. Случалось ли тебѣ когда-нибудь встрѣчаться съ непріятелемъ, противъ котораго всѣ оружія

были безполезны; — отъ которагобы пуля отскакивала, стрѣла притуплялась, и котораго ни сабля, ни кинжалъ не моглибы пронзить?"

—„Безъ сомнѣнія," возразилъ Маіоръ: „когда я служилъ въ Германіи. Помню, что во время сраженія при Инголстадѣ на одномъ изъ солдатъ была столь крѣпкая броня, что ни сабля, ни пуля не могли пробить оной; и потому солдаты мои принуждены были раздробить ему черепъ прикладами."

—„Этотъ неуязвляемый врагъ," продолжалъ Ранальдъ, „пролилъ самую драгоцѣннѣйшую кровь мою. Но наступило уже время мщенія. Я завѣщаю емуревность,

отчаяніе, бѣшенство и смерть, или жизнь, злополучнѣйшую самой смерти. Таковъ будетъ жребій Аллана съ окровавленною рукою, когда онъ узнаетъ, что Аннета выходитъ замужъ за Ментеита, и надежда на сіе утѣшаетъ меня въ томъ, что я умираю отъ его руки."

—„Если такъ," сказалъ Маіоръ, „то мнѣ нечего болѣе говорить тебѣ. Но постараюсь, чтобъ никто не видалъ тебя; ибо ты не подаешь добраго примѣра, разставаясь съ жизнію, а это не приноситъ чести христіанской арміи."

Сказавъ сіе, онъ вышелъ изъ комнаты, и чрезъ нѣ-

сколько минутъ потомъ Ранальдъ Макъ Ягъ изпустилъ послѣднiй вздохъ.

Въ продолженiи сего времени Лордъ Ментеитъ, оставя отца и дочь радоваться столь щасливому для нихъ обоихъ открытiю и оказывать другъ другу знаки взаимной нѣжности, пошелъ къ Монтрозу, чтобъ поговорить съ нимъ о слѣдствiяхъ сего произшествiя.

—„Я могъ бы увидѣть теперь, какое вы принимаете въ семъ участiе,“ сказалъ ему Монтрозъ, „еслибъ не замѣтилъ давно уже той склонности, какую имѣетъ къ вамъ милая Анетта. Вы ее любите, и я увѣренъ также, что и она васъ лю-

битъ; ваше и ея произхожденіе и богатство дѣлаютъ теперь бракъ вашъ съ нею совершенно приличнымъ; но, любезный Графъ, не предвидите ли вы какихъ другихъ препятствій? Подумайте о томъ хорошенько. Сиръ Дунканъ Кампбель Пресбитеріанинъ, онъ сражался противъ своего Государя—и теперь нашъ военноплѣнный; притомъ же мы находимся еще (чего я весьма опасаюсь) только при началѣ продолжительной междоусобной войны: не уже ли въ такихъ обстоятельствахъ вы почитаете возможнымъ просить у него руку его дочери? И не уже ли вы думаете, что онъ вамъ отдастъ оную?"

Любовь, ходатайница столько же искусная, сколько и краснорѣчивая, внушила Меншеиту тысячу отвѣтовъ на сіи разсужденія. Онъ напомнилъ Монтрозу, что рыцарь Арденворъ не былъ фанатикомъ ни въ религіи, ни въ политикѣ, и что если онъ сражался противъ нихъ, то болѣе изъ уваженія къ главѣ фамиліи своей, Маркизу Аржилю, нежели по собственнымъ своимъ разположеніямъ. Меншеитъ выставилъ собственную свою вѣрность къ Королевской сторонѣ, и далъ почувствовать, что бракъ его съ наслѣдницею Арденвора могъ въ оную привлечь новыхъ сообщниковъ. Говорилъ ему объ

опасномъ положеніи, въ какомъ Сиръ Дунканъ находился, и что если онъ умретъ: то Маркизъ, сдѣлавшись опекуномъ ея, не замедлитъ выдать ее за кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ, чтобъ не выпустить изъ партіи своей ея богатства и вассаловъ. —,,Слѣдовательно вы должны чувствовать," прибавилъ онъ, ,,что если я не получу теперь руки Анеты: то долженъ навсегда отказаться отъ надежды обладать ею; ибо никогда я не буду такимъ подлецомъ, чтобъ купить ее цѣною своей чести, оставивъ знамена законнаго моего Государя."

Монтрозъ согласился съ нимъ, что доказательства

сія были довольно справедливы, и что бракъ, въ который Лордъ Ментеитъ намѣревался вступить, не только не могъ привести въ сомнѣніе вѣрности его къ Королю, но даже могъ быть весьма полезенъ его партіи.

—„Но однако же," сказалъ онъ, „я тѣмъ не менѣе опасаюсь препятствій со стороны Сиръ Дункана. Но если вы ихъ превозможете, то я желалъ бы, чтобъ бракъ вашъ послѣдовалъ какъ можно скорѣе; ибо не хочу, чтобъ сія прекрасная Бризеида находилась въ лагерѣ, когда Ахиллесъ нашъ, Алланъ Макъ Олай — сюда возвратится. Я опасаюсь съ сей стороны какихъ-нибудь нещастій; и

потому думаю, что весьма благоразумно поступлю, отославъ Сиръ Дункана на честномъ словѣ. Онъ увезетъ дочь свою съ собою въ замокъ, а вамъ я поручу проводить ихъ. Тамъ вы женитесь на ней и потомъ чрезъ нѣсколько времени возвратитесь сюда соединиться съ нами. Честь ваша ни мало отъ того не потерпитъ; ибо рана, вами полученная, послужитъ достаточнымъ извиненіемъ вашего отсутствія."

— „Никогда," вскричалъ Лордъ Ментеитъ, „еслибъ даже я долженъ былъ позабыть всѣ тѣ надежды, которымъ предавался: то и тогда не оставилъ бы лаге-

ря Вашего Превосходительства, пока Королевское знамя въ ономъ развѣвается. — Пусть рубецъ, полученный мною въ руку, который вы величаете раною, превратится въ неизлѣчимый ракъ, если я возпользуюсь онымъ, какъ предлогомъ, чтобъ оставить службу Короля.“

—„Твердо ли ваше намѣреніе?“

—„Оно непоколебимо—такъ какъ Бенъ-Невисъ.“

—„Въ такомъ случаѣ объяснитесь съ Лордомъ Арденворомъ; постарайтесь получить его согласіе и поспѣшите окончаніемъ этого дѣла. Если онъ отдастъ за васъ дочь свою: то я самъ поговорю съ Макъ Олаемъ—и мы

поищемъ средствъ доставить занятіе брату его подалѣе отъ арміи, до того времени, пока онъ не приметъ въ этомъ случаѣ рѣшительнаго намѣренія."

—„Дай Богъ, чтобъ даръ предвидѣнія представилъ воображенію его какую-нибудь молодую нимфу, не уступающую въ красотѣ Аннетѣ Лиль, чтобъ онъ могъ позабыть сію послѣднюю."

—„Вы не почитаете сего возможнымъ, Ментеитъ; но что за нужда! займемся теперь каждый своими дѣлами: вы любовію, а я войною!"

—„Они разстались, и сообразно съ предначертаннымъ планомъ, Лордъ Ментеитъ на другой день рано

поутру увидѣлся наединѣ съ Сиромъ Дунканомъ Кампбелемъ и просилъ у него руки его дочери. Рыцарь Арденворъ зналъ уже о взаимной ихъ склонности; но не ожидалъ, чтобъ Ментеитъ такъ скоро съ нимъ о томъ объяснился. Сначала онъ отвѣчалъ ему, что и самъ не знаетъ, не станетъ ли разкаяваться въ томъ, что предавался радости, нашедши дочь свою, когда племя его претерпѣло столь жестокое и постыдное пораженіе; и что теперь не такое время, чтобъ онъ могъ думать о возвышеніи собственнаго своего дома. Но Ментеитъ убѣждалъ со всею пылкостію страсти, и Сиръ Дун-

канъ просилъ у него наконецъ нѣсколько часовъ на размышленіе, сказавъ ему, что онъ желаетъ также и съ дочерью своею поговорить о столь важномъ предметѣ.

Слѣдствіе размышленія и разговора было весьма благопріятно для Ментеита, потому что Сиръ Дунканъ, увѣрясь въ томъ, что благополучіе дочери его зависѣло отъ брака ея съ Лордомъ Ментеитомъ, предвидѣлъ также, что Аржиль употребитъ всѣ средства, чтобъ тому воспрепятствовать, если только оный не совершится немедленно. Притомъ же во всѣхъ отношеніяхъ бракъ сей казался ему приличнымъ. Ментеитъ имѣлъ

доброе имя, былъ знатенъ, отличной фамиліи, обладалъ большимъ богатствомъ, и всѣ сіи преимущества могли заставить позабыть то, что политическія мнѣнія его не сходствовали съ мнѣніями Кампбелей. Но даже и тогда, когда бы бракъ сей казался Сиръ Дункану и не столь пріятнымъ; то могъ ли бы онъ рѣшиться возпротивиться первому желанію дочери, только что обрѣтенной, которая возбудила въ немъ соучастіе къ себѣ еще гораздо прежде, нежели онъ узналъ, что она соединена съ нимъ узами крови.

Мы не скроемъ также, что тайное движеніе гордости имѣло большое вліяние

ніе на его согласіе. Для него казалось нѣсколько низко представить свѣту наслѣдницею дома Арденвора молодую дѣвицу, воспитанную изъ милости въ фамиліи Дарнливарахъ. Но представивъ дочь свою Графинею Ментеитъ, заслужившею любовь молодаго знатнаго господина, не взирая на неизвѣстность, въ которую судьба повергла ее съ самаго дѣтства, Сиръ Дунканъ могъ доказать, что она всегда достойна была званія, котораго теперь достигла.

Такимъ образомъ сіи совокупныя причины заставили Сиръ Дункана согласиться

на то, чтобъ юные любовники были обвѣнчаны въ церкви замка Капелланомъ Монтроза сколь возможно скрытнѣе. Но однако же они условились, чтобъ въ то время, какъ Монтрозъ съ своею арміею выступитъ изъ Инверлоши, (что долженствовало возпослѣдовать чрезъ нѣсколько дней), новобрачная отправилась съ отцемъ своимъ въ замокъ Арденворъ, гдѣ и оставалась бы до тѣхъ поръ, пока обстоятельства дозволятъ Лорду Ментеиту съ честію оставить службу. Когда рѣшились такимъ образомъ, то Ментеитъ первый сталъ просить, чтобъ поспѣшили заключеніемъ брака, и пото-

му оный назначенъ былъ въ слѣдующій вечеръ, то есть, на третій день послѣ сраженія.

ГЛАВА XXIV и ПОСЛѢДНЯЯ.

„Il m'a ravi l'objet dont mon coeur est épris,
„Que mes armes, mon bras, mon sang avoient conquis."
Homère.

Необходимо должно было, по многимъ причинамъ, увѣдомить Ангура Макъ Олая, бывшаго столь долго покровителемъ Аннеты, о чудесной перемѣнѣ, воспослѣдовавшей въ участи юной его питомицы. Монтрозъ, взявши на себя сію обязанность, сообщилъ ему подробности сего произшествія. Ангуръ

узналъ новость сiю съ равнодушiемъ и свойственнымъ ему добрымъ расположенiемъ духа, показавъ болѣе радости, нежели удивленiя щастiю Аннеты.

—„Я ни мало не сомнѣваюсь," сказалъ онъ, „чтобъ она не показала себя достойною онаго; и такъ какъ при воспитанiи внушены ей были добрыя правила и чувства чести: то, надѣюсь, что она отдастъ руку свою — вмѣстѣ съ имѣнiемъ стараго фанатика, отца своего, которому-нибудь изъ храбрыхъ защитниковъ Королевской партiи. Я не стану препятствовать, если даже и Алланъ станетъ искать руки ея, хотя этотъ Сиръ Дунканъ

Кампбель и осмѣлился упрекать Макъ Олаевъ въ нарушеніи законовъ гостепріимства; но Аннета въ томъ невиновна. Она одна только въ состояніи разгонять мрачную меланхолію Аллана; а кто знаетъ, можетъ быть бракъ съ нею и совершенно возвратитъ его обществу?"

Монтрозъ поспѣшилъ прервать воздушные замки Ангура, увѣдомивъ его, что отецъ Аннеты уже отдалъ ея руку; что на другой день ввечеру она должна выйти замужъ за общаго ихъ родственника, Графа Ментеита, и что въ благодарность за попеченія, какія Макъ Олай прилагалъ до сего времени

о сей юной дѣвицѣ, Сиръ Дункан поручилъ ему просить его присутствовать при бракосочетаніи и занять мѣсто его у олтаря, потому что рана не позволяла ему тамъ находиться.

Услыша сіе объявленіе, Ангуръ принялъ на себя важный видъ, и старался показать, что нарушили должное къ нему почтеніе.

—„Я думаю,“ сказалъ онъ, „что будучи столь долго вмѣсто отца сей молодой дѣвицѣ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, проведенныхъ ею въ домѣ моихъ предковъ, — я могъ бы ожидать отъ нее большой благодарности, а не такого пустаго комплимента. Не могу сказать, чтобъ

слишкомъ многаго требовалъ, думая, что могли бы со мною напередъ о томъ поговорить. Желаю всякаго благополучія родственнику моему Ментеиту, да ни кто ему столько онаго не желаетъ, какъ я; но однако же долженъ сказать, что въ этомъ дѣлѣ онъ слишкомъ поспѣшилъ. Всѣ знаютъ чувства Аллана къ Аннетѣ, и я не знаю, для чего отвергли права, какія онъ имѣетъ на любовь ея и признательность, по крайней мѣрѣ не разсудивши о томъ хорошенько.

Монтрозъ, ясно видя, къ чему клонились всѣ сіи рѣчи, просилъ Макъ Олая внять гласу разсудка и предоставлялъ ему самому размотрѣть;

могъ ли Сиръ Дункань вручить руку единственной дочери, Аллану, который, не взирая на превосходныя качества, въ коихъ никто не могъ отказать ему, имѣлъ припадки сумасшествія, заставлявшія трепетать всѣхъ, къ нему приближавшихся?"

—„Милордъ," сказалъ Макъ Олай, „братъ мой такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди: то есть, смѣсь добрыхъ и дурныхъ качествъ. Но онъ храбрѣйтій и неустрашимѣйшій изъ всей вашей арміи,— и потому заслуживаетъ, чтобъ Ваше Превосходительство, родственникъ его и молодая дѣвица, одолженная всѣмъ какъ ему, такъ и его

фамиліи, нѣсколько поболѣе цѣнили его щастіе."

Монтрозъ сдѣлалъ тщетныя усилія, чтобъ заставить его взирать на сіе съ другой стороны; но разумъ Ангура былъ изъ числа такихъ, которыхъ никакія доказательства не могли убѣдить, когда они забрали себѣ что-нибудь въ голову. Тутъ Монтрозъ возвысилъ голосъ; совѣтовалъ ему быть поосторожнѣе и не питать въ сердцѣ своемъ чусmвованій, могшихъ причинить вредъ службѣ Его Величества. Онъ объявилъ ему также желаніе свое, чтобъ не помѣшали Аллану исполнить порученіе, на него возложенное; ибо, сказалъ Монтрозъ, порученіе сіе, кромѣ

того, что принесетъ ему много чести,—весьма важно также и для Королевской партіи, и что онъ надѣется, что братъ не отвратитъ отъ онаго Аллана, занявъ вниманіе его посторонними дѣлами, могшими сверхъ того посѣять между ими раздоръ и ненависть.

Ангуръ отвѣчалъ съ недовольнымъ видомъ, что онъ не только не бывалъ никогда ни спорщикомъ, ни зачинщикомъ ссоры, но характеру своему гораздо охотнѣе сталъ бы играть роль примирителя; и что братъ его и безъ него знаетъ, какъ поступить, когда былъ обиженъ. „Чтожъ касается до того, какимъ образомъ Ал-

ланъ увѣдомленъ будетъ о произшедшемъ, што всѣ знаютъ, сказалъ онъ, что братъ мой имѣетъ точнѣйшія и вѣрнѣйшія средства узнавать все, нежели другія люди: и я не стану удивляться, если онъ будетъ здѣсь ранѣе, нежели его ожидаютъ."

Монтрозъ не могъ ничего болѣе получить отъ Ангура, кромѣ обѣщанія, что онъ не станетъ ни во что вмѣшиваться. Ангуръ, будучи отъ природы добръ и обходителенъ, во всякомъ другомъ случаѣ дѣлался грубымъ и непреклоннымъ, когда гордость его, личныя выгоды или предразсудки были оскорблены. Такимъ образомъ

дѣла остались въ этомъ порядкѣ.

Думая, что Сиръ Дюгальдъ Далжетти гораздо болѣе расположенъ будетъ присутствовать при брачной церемоніи, Монтрозъ почелъ обязанностью пригласить его къ оной, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ всѣ обстоятельства, оной предшествовавшія. Но, къ величайшему удивленію его, Сиръ Дюгальдъ призадумался, посмотрѣлъ на локти своего мундира и на колѣнки исподняго платья, и отвѣчалъ Монтрозу съ отвращеніемъ и принужденностью, что онъ приметъ сіе приглашеніе, если только благородный другъ его, съ коимъ онъ на-

мѣренъ былъ поговорить о томъ, признаетъ сіе возможнымъ. Монтрозъ не почелъ нужнымъ показать ему за сіе ни удивленія, ни неудовольствія, и оставилъ ему на волю поступить какъ заблагоразсудитъ.

Лишь только Монтрозъ удалился, какъ Маіоръ пошелъ къ Лорду Ментеишу, котораго нашелъ въ своей комнатѣ. Онъ выбиралъ изъ числа нѣсколькихъ платьевъ, составлявшихъ походной гардеробъ его, самое приличное для сей торжественной церемоніи. Далжетти съ важнымъ видомъ поздравилъ его съ наступленіемъ часа, долженствовавшаго утвердить его благополучіе, — присово-

купивъ, что весьма сожалѣешь о томъ, что самъ не можешь быть свидѣтелемъ онаго.

—„Что же вамъ въ томъ препятствуетъ?" спросилъ его Графъ: „не уже ли Монтрозъ не пригласилъ васъ?"

—„Пригласилъ, Милордъ," отвѣчалъ Далжетти; „но я откровенно долженъ вамъ сказать, что присутствіе мое не принесетъ чести сей торжественной церемоніи. У меня нѣтъ другаго платья, кромѣ того, которое вы на мнѣ видите; кожа исподняго моего платья въ колѣнкахъ такъ сдѣлалась тонка, что я ежеминутно опасаюсь, чтобъ онѣ не прорвались, а заплаты на локтяхъ моего

мундира будутъ можетъ быть дурнымъ предзнаменованіемъ прочности узла вашего супружескаго благополучія." Правду сказать, Милордъ, вы сами отчасти были тому причиною; ибо вы слишкомъ поздо подали мнѣ мысль, что я могу найти себѣ приличное платье въ числѣ добычи, отнятой у непріятеля. Бѣшеные ваши Монтаньяры все уже прибрали тогда къ рукамъ; и я думаю, что легче было бы отнять кость у голодной собаки, чѣмъ взять у нихъ что-нибудь. Вмѣсто отвѣта они обнажили сабли свои и кинжалы и забормотали на своемъ нарѣчіи, котораго и самъ чортъ не пойметъ.

По чести, Милордъ, я думаю, что они ничѣмъ не лучше язычниковъ; а особенно я весьма соблазнился, видя, какимъ образомъ старой другъ мой, Ранальдъ, заблагоразсудилъ отправиться на тотъ свѣтъ, два дни тому назадъ."

Читатель вѣроятно замѣтилъ уже, что Лордъ Меншеитъ не слишкомъ много уважалъ Маiора; но въ томъ расположенiи духа, въ какомъ онъ тогда находился, всѣ люди казались ему друзьями, и всѣ предметы представлялись ему въ самомъ благопрiятномъ видѣ. Показавъ Далжеттiю полную пару платья изъ замша, лежавшую на стулѣ:

—„Вотъ," сказалъ онъ, „то

платье, которое я намѣренъ былъ надѣть для брачной церемоніи. Оно показалось мнѣ не столь страшнымъ, какъ прочія, во всемъ моемъ военномъ гардеробѣ: мы съ вами почти одного росту, и потому сдѣлайте одолженіе, принявъ оное отъ меня въ подарокъ."

—„Оно будетъ мнѣ совершенно впору!" вскричалъ Далжетти; „но я никакъ не соглашусь, чтобъ вы лишили себя онаго для меня. Однако же, мнѣ кажется, что по военнымъ обычаямъ гораздо приличнѣе будетъ, если вы станете вѣнчаться въ своей бронѣ. Мнѣ помнится, что когда я присутствовалъ при бракосочетаніи Принца Леона Виштлербахскаго съ са-

мою младшею изъ дочерей Георга Фредерика Саксонскаго, которое праздновалось подъ покровительствомъ храбраго Густава Адольфа, Сѣвернаго льва: то Государь сей провожалъ къ олтарю жениха, вооруженнаго съ головы до ногъ."

Молодой Графъ разсмѣялся, слыша примѣръ сей, столь кстати разсказанный, и сказалъ ему, что онъ и самъ то же намѣренъ былъ сдѣлать. Сіе увѣреніе разсѣяло всѣ сомнѣнія Маіора, и онъ тотчасъ же ушелъ одѣваться. Тогда Лордъ Ментеитъ надѣлъ броню свою, прикрывъ оную отчасти бархатною мантіею, а отчасти широкимъ шелковымъ

шарфомъ, голубаго цвѣта, который носилъ онъ по тогдашней модѣ и сообразно своему достоинству.

Все было приготовлено, и они условились, чтобъ по Шотландскому обычаю будущіе супруги увидѣлись только предъ лицемъ олтаря. Уже пробилъ часъ, назначенный для церемоніи, и Лордъ Ментеитъ пошелъ въ залу, находившуюся близь церкви, и куда Монтрозъ, взявшій на себя обязанность отца въ разсужденіи Ментеита, долженъ былъ притти за нимъ, чтобъ вести его передъ священника. Непредвидѣнное дѣло касательно арміи задержало его на нѣсколько времени, и молодой Грѣфъ (че-

му легко можно повѣрить), дожидаясь его съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, услышалъ вдругъ, что дверь отворяется, и вскричалъ шутливымъ тономъ: — „вы опоздали къ церемоніи!"

—„Ты увидишь, что я еще не опоздалъ," отвѣчалъ Алланъ, бросившись въ комнату съ обнаженною саблею въ рукѣ: „защищайся, Ментеитъ, какъ человѣкъ, или я убью тебя какъ собаку!"

—„Вы съ ума сошли, Алланъ!" сказалъ Ментеитъ, удивленный внезапнымъ его приходомъ и пораженъ будучи его видомъ. Щеки Аллана были блѣдны, глаза хотѣли, казалось, выскочить изъ мѣстъ своихъ, губы его

покрыты были пѣною, а движенія являли бѣшенство.

—„Ты лжешь, бездѣльникъ,“ отвѣчалъ Алланъ съ яростью, „ты лжешь теперь, такъ какъ и всегда: вся жизнь твоя есть ничто иное, какъ сплетеніе лжи!“

—„Еслибъ я не сказалъ уже тебѣ, что ты сумашедшій,“ возвразилъ Ментеитъ: „то ты жизнію заплатилъ бы мнѣ за слова сіи. Въ чемъ ты обвиняешь меня? въ чемъ я обманулъ тебя?“

—„Ты говорилъ мнѣ„ что не женишься на Аннетѣ Лиль,“ сказалъ Алланъ: „это была измѣна, ложь, потому что она дожидается тебя у олтаря!“

—„Ты самъ лжешь," отвѣчалъ Ментеитъ: „я сказалъ тебѣ, что неизвѣстное происхожденіе Аннеты было препятствіемъ нашему союзу. Теперь это препятствіе болѣе не существуетъ. А ты кто таковъ, чтобъ я пожертвовалъ для тебя своими желаніями?"

—„Къ чему такъ много говорить!" вскричалъ Алланъ: „еще разъ повторяю тебѣ: обнажай саблю!"

Не теперь," сказалъ Ментеитъ, „и не въ этомъ мѣстѣ. Ты меня знаешь, Алланъ? завтра мы увидимся."

—„Сегодни!... сіюжь минуту, или никогда!" отвѣчалъ Алланъ: „твой или мой послѣдній часъ наступилъ! Мен-

шеитъ, — заклинаю тебя нашимъ родствомъ, нашею прежнею дружбою, знаменами, подъ которыми мы вмѣстѣ сражались,—защищайся!"

Сказавъ сіе, онъ подошелъ къ Графу, схватилъ его за руку и сжалъ оную съ такою жестокостью, что кровь выступила изъ подъ ногтей.

—„Удались, безумецъ!" вскричалъ Графъ, сильно оттолкнувъ его отъ себя.

—„Такъ пусть же видѣніе мое и участь твоя свершатся!" вскричалъ Алланъ, и извлекши кинжалъ свой, бросился на Графа, и изо всей силы нанесъ ему ударъ въ сердцѣ. Конецъ кинжала скользнулъ вверхъ по бронѣ,

которая надѣта была на Ментеита, и причинилъ ему глубокую рану между шеею и плечомъ. Ударъ столь былъ жестокъ, что Ментеитъ упалъ. Монтрозъ вошелъ въ сію минуту и пребылъ безмолвенъ и неподвиженъ отъ удивленія и ужаса, видя Графа разпростертаго на землѣ и плавающаго въ крови. Алланъ воспользовался симъ временемъ, чтобъ удалиться, и съ быстротою молніи сбѣжалъ съ лѣстницы.

— „Стражи!" вскричалъ Монтрозъ, поспѣшно бросившись къ окну, „заприте, ворота замка, схватите убійцу!... убейте его, если онъ станетъ защищаться! Онъ

должень умереть, хотя бы онъ былъ родной братъ мой!"

Но Алланъ былъ уже у воротъ. Вторымъ ударомъ кинжала онъ опрокинулъ часоваго стоявшаго тутъ на часахъ, который хотѣлъ было остановить его;—пробѣжалъ лагерь съ быстротою лани, преслѣдуемой охотниками;—переплылъ рѣку вплавь въ виду солдатъ, за нимъ гнавшихся, и скрылся въ густотѣ лѣса.

Въ тотъ же самый вечеръ братъ его Ангуръ оставилъ лагерь Монтроза со всѣмъ своимъ племянемъ, возвратился въ Дарнлинварахъ, и не принималъ болѣе никакого участія въ войнѣ.

Чтожъ касается до Аллана, то, совершивши свое злодѣяніе, онъ съ быстротою стрѣлы пустился въ замокъ Инверрари, достигъ онаго въ столь короткое время, что съ трудомъ можно будетъ тому повѣрить; вбѣжалъ въ залу, гдѣ Маркизъ Аржиль держалъ совѣтъ, и бросилъ передъ нимъ на столъ окровавленный кинжалъ свой.

—„Не кровь ли это Жамеса Грагама?" спросилъ Аржиль голосомъ, показывавшимъ въ одно время и надежду получить на сіе подтвердительный отвѣтъ, и ужасъ, какой ощущалъ онъ отъ сего неожиданнаго появленія.

—„Эта кровь его любим-

ця," отвѣчалъ Алланъ; — „судьбою предназначено было, чтобъ я пролилъ кровь сію, хотя я охотно отдалъ бы собственную свою кровь, чтобъ только пощадить ее."

Сказавъ сіе, онъ удалился съ такою же поспѣшностью, какъ пришелъ, и скрылся прежде, нежели кто-нибудь могъ подумать удержать его. Слухи о томъ, что съ нимъ потомъ случилось, весьма не согласны. Какъ въ тотъ же самый день видѣли молодаго Кеннета и троихъ дѣтей ночи, переходящихъ Лохфинъ, то многіе предполагаютъ, что они гнались за Алланомъ, и что онъ палъ подъ ударами ихъ

въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ: но другіе увѣряютъ, что онъ оставилъ Анлгію и вступилъ въ орденъ Картезіанскихъ монаховъ. Однако же и то и другое мнѣніе основано на весьма слабыхъ предположеніяхъ.

Впрочемъ мщеніе Аллана не столь было совершенно, какъ онъ воображалъ себѣ; ибо Лордъ Ментеитъ*, будучи весьма опасно раненъ и долго не могши возвратить своего здоровья, одолженъ жизнію Маіору Далжеттію, давшему ему совѣтъ вѣнчаться въ латахъ. Но Монтрозъ лишился услугъ его, и лишь только Лордъ Ментеитъ былъ въ состояніи ѣхать, какъ и отправился

съ Аннетою и Сиромъ Дунканомъ, все еще страдавшимъ отъ своей раны, въ замокъ Арденворъ.

Сиръ Дюгальдъ Далжетти провожалъ его до самой пристани и, разставаясь съ нимъ, убѣдительно просилъ его не позабыть соорудить редутъ на пригоркѣ Друмснабѣ, для защищенія замка, долженствовавшаго принадлежать нѣкогда будущей его супругѣ.

Они благополучно совершили сіе путешествіе, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ Меншеитъ такъ поправился въ здоровьѣ, что былъ уже въ состояніи вступить въ бракъ съ Аннетою съ присутствіи

и съ согласія Сиръ Дункана и его супруги.

Суевѣрные Монтаньяры не знали, какъ согласить излѣченіе Лорда Ментеита съ предсказаніемъ Аллана Макъ Олая; ибо они никакъ не хотѣли сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣлъ даръ предвидѣть будущее. Нѣкоторые даже весьма досадовали, что Лордъ Ментеитъ не умеръ, дабы оправдать непреклонность онаго. Но большая часть изъ нихъ думала, что предсказаніе совершенно было исполнено раною, полученною имъ отъ руки и кинжала Аллана;—и всѣ вообще были одного мнѣнія, что приключеніе съ кольцемъ, на коемъ изображена была мер-

швая голова, предвѣщало смерть отца Аннеты, который скончался чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака дочери своей съ Графомъ. Тѣ, которые не такъ были легковѣрны, называли всѣ сіи мысли бреднями, и заключали, что мнимое предвидѣніе Аллана было ничто иное, какъ слѣдствіе пылкихъ страстей его, которыя съ давняго уже времени, показывая ему въ Ментеитѣ предпочитаемаго соперника, боролись съ природнымъ его великодушіемъ и противъ воли внушили ему мысль погубить человѣка, котораго онъ почиталъ единымъ препятствіемъ своему благополучію.

Ментеитъ долго не могъ совершенно выздоровѣть, и потому не успѣлъ соединиться съ Монтрозомъ во время кратковременной, но славной его кампаніи. Когда же сей Генералъ оставилъ Шотландію, разпустивши свою армію, то Ментеитъ жилъ въ своихъ владѣніяхъ до утвержденія Карла II на престолѣ.—Послѣ сего щастливаго произшествія онъ занималъ въ отечествѣ своемъ мѣста приличествовавшія его достоинству, жилъ щастливо, былъ всѣми почитаемъ, любимъ женою своею и дѣтьми, и умеръ въ глубокой старости.

Дѣйствующихъ лицъ въ нашей повѣсти столь мало,

что кромѣ Монтроза, коего слава и подвиги принадлежатъ къ исторіи, намъ остается сказать только о Сиръ Дюгальдѣ Далжетти.

Сей храбрый Маіоръ продолжалъ съ самою строгою точностью исполнять воинскія свои обязанности и получать свое жалованье. Но наконецъ онъ взятъ былъ въ плѣнъ со множествомъ другихъ на полѣ сраженія при Филлипогѣ.—Его осудили на смерть съ прочими его сослуживцами, не столько по гражданскимъ и военнымъ законамъ, сколько по краснорѣчію служителей фанатизма, требовавшихъ, чтобъ кровь ихъ принесена была въ жертву въ воззмез-

діе за грѣхи Израиля,—и которые, дѣлая столь же жестокое, какъ и нечестивое примѣненіе, говорили, что съ ними надлежало поступить такъ какъ съ Хананеями.

Многіе Офицеры изъ Нижнихъ земель, бывшіе въ службѣ Конвента, ходатайствовали въ семъ случаѣ за Далжеттія, и представляли, что военныя познанія сего человѣка весьма могли быть полезны ихъ арміи, и что весьма легко будетъ заставить его перемѣнить службу. Но, къ удивленію своему, они нашли Сиръ Дюгальда гораздо упрямѣе въ этомъ пунктѣ, нежели думали. „Я нанялся въ Королевскую слу-

жбу на опредѣленное время," сказалъ онъ имъ, „и до изтеченія назначеннаго срока правила мои не дозволяютъ мнѣ даже и мыслить о перемѣнѣ." Офицеры Конвента не понимали столь тонкой разборчивости, и онъ подвергался великой опасности умереть мученикомъ не политическихъ мнѣній, но строгости мыслей своихъ на щетъ воинской дисциплины, какъ къ щастію люди, ему покровительствовавшие, узнали, что до изтеченія срока службы его въ Королевской партіи оставалось только двѣ недѣли.—Почему выпросили не безъ труда отсрочку казни его до сего времени, и по прошествіи

онаго нашли его совершенно разположеннымъ вступить въ какую бъ то ни было службу, только бъ ему платили. Такимъ образомъ онъ вступилъ въ армію Конвента, и названъ былъ Маіоромъ въ полку Гильберта Кера, который обыкновенно называли тогда полкомъ Церкви.

Мы не знаемъ, что съ нимъ потомъ случилось, но чрезъ нѣсколько лѣтъ увидѣли его спокойно владѣющимъ наслѣдственнымъ помѣстьемъ своимъ Друмшваккетомъ, которымъ завладѣлъ онъ не остріемъ меча, но совершенно мирнымъ образомъ, женясь на Аннѣ Страханъ, почтенной госпожѣ, остав-

шейся бездѣтною вдовою послѣ бѣшенаго Пресбишеріанина, коему оно принадлежало.

Думаюшъ, что Сиръ Дюгальдъ пережилъ революцію; ибо преданія, не слишкомъ древнія, увѣдомляюшъ насъ, что онъ часто бывалъ въ Аберденѣ, состарѣлся, сдѣлался глухимъ и никогда не могъ ушомишься, повторяя безконечныя повѣствованія свои о безсмершномъ Густавѣ Адольфѣ, Сѣверномъ львѣ и защишникѣ протестантскаго исповѣданія.

КОНЕЦЪ

Четвертой и последней

части.

